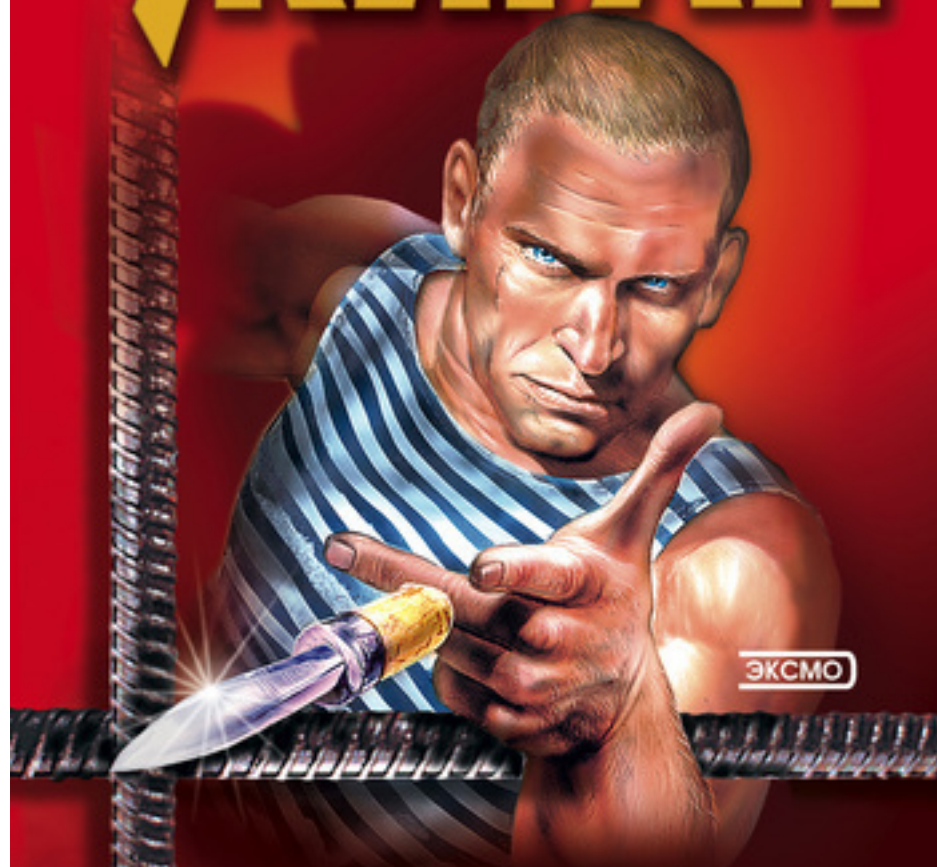

Сергей
Зверев

ЖИГАН

ЭКСМО

Жиган

Сергей Зверев

Жиган

«Научная книга»

Зверев С. И.

Жиган / С. И. Зверев — «Научная книга», — (Жиган)

Спецназовец Костя Панфилов поистине прошел круги ада – сначала в Афгане, а потом в родных лагерях и тюрьмах. Он выдержал все и даже заслужил лихую кличку Жиган. Но в родном городе, куда он вернулся, царят все те же, хорошо известные ему волчьи законы – торговцы наркотой и рэкетиры держат людей в страхе. Они со всей охотой готовы принять в свои ряды отчаянного и бесстрашного парня. Но Жиган выбирает свой путь, и на этом пути его ждут испытания покруче тех, что выпадали ему раньше.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Зверев

Жиган

Пролог

Били долго и жестоко – с тупой ментовской злобой. Один, с нашивками младшего сержанта, особенно норовил угодить носком сапога по почкам.

– На, сука, получай!

Удары сыпались со всех сторон. Казалось, даже земля пытается изловчиться и лягнуть снизу. Но земля была ни при чем. Просто от ударов он перекатывался со спины на бок, на живот. Сворачивался, как червяк, закрывал руками голову. Только бы в висок не попали, тогда – хана.

Боль быстро завладела телом, проникла до самого костного мозга, тонкими иголками впиалась в каждую клеточку.

– Дай я!

– Ему и так мало не покажется!

– Пусти, бля, дай по кумполу врежу!

– Замочишь, а мне потом отвечать.

– Ну и хер с ним! Мы сами чуть не подошли. Мочи.

– Я что сказал? Не убивать! – разъяренно завопил старший.

И снова – тяжелое сопение, глухие удары. Кровь стекала по вискам, заливала глаза. Волосы на голове слиплись, перемешались с грязью, превратились в плотный жесткий колтун. Об ожоге на руке пришлось забыть как о чем-то совершенно безобидном. Пузыри, покрывавшие все правое запястье, лопнули, и вытекшая из них сукровица темным грязным пятном расплылась на полуобгорелом рукаве куртки.

На белесые лохмотья обожженной кожи, так же как на лицо и шею, налипли густо замешанные на крови комья грязи. Нелепая, дурацкая мысль мелькнула в голове, на которую с разных сторон сыпались удары, – только бы не было заражения крови.

Какое заражение? Тебя сейчас затопчут в этой канаве, до краев заполненной холодной осенней жижей, гниющими листьями вперемешку с умирающей травой, смрадной вонью горящего «жигуленка» и ударами, ударами, ударами...

Этих троих в мешковатой форме мышинного цвета, с болтающимися автоматами на плечах можно понять. Даже если они превратят его в бесформенный кусок мяса вперемешку с обломками костей, никто не сможет обвинить их в намеренном жестоком убийстве.

Изувеченный труп можно бросить в горящую машину, ни один эксперт не возьмется доказать, что покойник мог уцелеть после того, как машина прокувыркалась полтора десятка метров и взорвалась после удара о землю.

Пожалуй, стоит даже поблагодарить старшего группы преследования, который распорядился оставить в живых свою жертву.

А ведь еще несколько минут назад ему казалось, что он ушел от погони и теперь его не сможет остановить ни бог, ни дьявол. Все оказалось гораздо прозаичней. Пуля из милицейского «калашников» вмешалась в его судьбу, заставив умолкнуть в незримом споре и почтенного седобородого старца, и козлоногого смрадного типа с кривыми рогами...

Глава 1

Он курил уже четвертую сигарету подряд. Наступало холодное промозглое утро. Лужи после вечернего дождя чуть подмерзли.

Куда же он подевался?

Сжав сигарету зубами, Костя стал прыгать на месте, хлопать себя по бокам. Это мало помогло, и спустя минуту он принялся расхаживать туда-сюда мимо невысокого забора.

Позади находилось кладбище сельхозмашин: раскуроченные трактора, сеялки, жатки. В предраассветных сумерках свалка напоминала поле битвы – или пейзаж земли после ядерной катастрофы.

Человек, бродивший вдоль обломков, казался единственным выжившим на планете.

За забором что-то заурчало. Константин тут же выплюнул догорающий окурочок и припал глазом к дыре в заборе.

Наконец-то.

Возле свалки остановились новенькие, сверкающие лаком красные «Жигули», «шестерка», из салона вышел маленький вертлявый тип с густой копной черных волос на яйцеобразной голове и раскосыми глазами. Оглядевшись по сторонам, он негромко позвал:

– Костыль!

В ответ на его сиплый возглас раздался заунывный скрип и сквозь дырку в заборе вынырнул подельник.

– Чалдон, ты где был? Я чуть не одубел.

– Не шуми, Костыль, – как-то странно улыбаясь, пошатываясь, сказал Чалдон, – дела задержали.

– Какие могут быть дела в пять часов утра? – вскипел Константин.

Кулаки его сжались сами собой, он надвинулся на Чалдона, как ворон. Чалдон, обычно такой тихий и смирный, на сей раз выпятил насколько мог свою тощую грудь и заорал:

– Ты чего, герой, да? Герой? Думаешь, из Афгана пришел, перед тобой все на цирлах бегать будут? Здоровья много?

Ситуация со стороны могла показаться смешной. Панфилов был вдвое выше ростом, втрое шире в плечах, а его кулаки с набитыми на долгих тренировках костяшками пальцев могли сравняться по размеру с головой Чалдона. Он мог одним ударом прихлопнуть своего подельника, как муху, но тот бесстрашно пер вперед.

«Напился, что ли? – подумал Костыль. – Вроде рановато еще».

Но, увидев остекленевшие глаза Чалдона, Константин неожиданно засмеялся и опустил кулаки. Чалдон просто напирался. Наверняка вскрыл лайбу, отогнал куда-нибудь, забил косячок шмали и хорошенько курнул на радостях.

После анаши всегда глаза стекленеют – это Костыль знал еще по Афгану. Там многие этим спасались. А как иначе, если не можешь совладать с нервами? Если утром по БТРу, на броне которого ты ехал по пыльной афганской дороге, саданули из «РПГ»? Сидевшего рядом с тобой брата Сенью разрубило пополам. БТР сгорел вместе с экипажем. А ты чудом спасся только потому, что взрывной волной тебя отшвырнуло в сторону. Через два часа танковая колонна, конечно, сровняла с землей кишлак, но от этого легче не становилось.

Анаша, которой в Афгане было достаточно, помогала хоть ненадолго забыться, спастись от этого кошмара. Костылю повезло – он не стал законченным наркоманом, как многие из тех, кого он знал.

– Ладно, Чалдон, не шуми, – успокаивающе сказал Панфилов.

Он аккуратно отставил подельника в сторону и заглянул в салон «Жигулей». Ключи торчали в замке зажигания.

– Как лайба?

В ответ Чалдон промычал что-то нечленораздельное. Теперь понятно, почему Пантелей не доверил Чалдону перегонку машины. Хорошо, что он вообще смог добраться до окраины, не посчитав по дороге столбы.

– Топай домой, – сказал Костыль, усаживаясь за руль.

Чалдон отмахнулся и, пошатываясь, побрел вдоль забора.

«Ну и хрен с тобой, – подумал Костыль. – Лишняя забота. Пусть Пантелей сам разбирается, мое дело маленькое».

Через час он должен быть возле Московской кольцевой автодороги. Там, в лесочке, напротив километрового знака, будет ждать клиент. Сдать ему лайбу – и свободен, как ветер в поле.

Костыль повернул ключ в замке зажигания и мельком глянул на счетчик спидометра. Ого, пятнадцать тысяч, а так сразу не скажешь. Аккуратный хозяин.

Машина легонько вздрогнула. Двигатель завелся с пол-оборота. Обкатанный мотор – это хорошо. Можно проехать по пустому утреннему шоссе с ветерком.

Костыль дал назад, развернулся и направил автомобиль по проселочной дороге. Через пять минут он выехал на шоссе и, немного расслабившись, сунул в рот сигарету. Закурив от автомобильной зажигалки, он глубоко затянулся и выпустил струю дыма в приоткрытую форточку. Пока все идет неплохо. Музыка, что ли, послушать?

В салоне «Жигулей» стояла приличная импортная автомагнитола. Костыль заглянул в бардачок. Среди бумаг и гаечных ключей обнаружилась кассета без коробки. Качество записи оставляло желать намного лучшего. Из динамиков донесся хриплый голос.

«Дело было очень поздней осенью» – старая блатная песня, известная Костылю еще с детства, подняла настроение. Он стал подпевать, похлопывая пальцами по рулевой колонке.

Дело было очень поздней осенью.
С неба очень мелкий дождик моросил.
Шел домой я пьяною походкой,
Тихо думал и о ней грустил.

В переулке пара показалась.
Не поверил я своим глазам:
Шла она, к другому прижималась,
И уста тянулись к устам.

Сразу хмель покинула головушку.
Из кармана вытащил «наган»
И угробил я свою зазнобушку,
А в ответ сказали мне: «Жиган!»

Пой, гитара, пой, гитара милая,
Что прошло, того уж больше нет.
И прошу вас, милые ребяташки,
Не влюбляйтесь в девок с малых лет...

Костыль не отказал себе и в удовольствии промчаться по прямому ровному участку шоссе. Он вдавил педаль газа до упора и сбросил скорость лишь тогда, когда стрелка на круглом табло спидометра достигла указателя «120».

– Хватит шалить, – сказал Костыль самому себе, – дальше езжай спокойно и не дури. Через десять километров пост ГАИ.

* * *

Зуммер гудел долго и настойчиво. Молодой белобрысый парень в милицейском мундире с двумя лейтенантскими звездочками на погонах с трудом оторвал голову от стола. Сонно потерев глаза и широко зевнув, он глянул на часы. Без десяти шесть.

- Поспать не дадут, – недовольно буркнул он и снял трубку.
- Евсеев, спишь, что ли? – донесся раскатистый голос дежурного.
- Никак нет, товарищ капитан. Я тут... отлучился... по надобности.
- По голосу слышу, что врешь. Ладно, Евсеев, поднимай напарника.
- А что случилось?
- Сигнал поступил. Проверишь красные «Жигули» шестой модели, номерной знак 11–

42.

- Угон?
 - Соображаешь, лейтенант. Действуй по обстановке.
- Евсеев положил трубку и, откашлявшись, заорал во всю глотку:
- Сазонтьев, подъ-ем!
- Старший сержант, примостившийся на кушетке в углу, тяжело заворочался.
- Товарищ лейтенант...
 - Я сказал – подъем!

Разминая руки, Евсеев подошел к подчиненному и пнул сапогом в ножку кушетки. Старший сержант с превеликим трудом поднялся, очумело помотал головой.

– Привести себя в порядок и живо на пост! Красные «Жигули» шестой модели, госномер 11–42 – проверка документов. Шевелись, шевелись!

Проклиная в душе неизвестного владельца красных «Жигулей», старший сержант Сазонтьев застегнул белый ремень, накинул бушлат, нахлобучил фуражку и, сжимая в руке жезл, вышел на обочину шоссе.

Стылый морозный воздух обжег широкие скулы.

– Скоро, наверное, снег выпадет, – пробормотал Сазонтьев, растирая лицо широкими ладонями с короткими толстыми пальцами.

Вся его внешность выдавала в нем простого деревенского парня, который после службы в армии не захотел возвращаться домой к ремеслу механизатора, а напрямик направился в отдел кадров областного Управления внутренних дел.

Минут через пять на пустынном шоссе показались красные «Жигули» шестой модели. Сазонтьев вскинул жезл и жестом приказал водителю автомобиля остановиться.

* * *

Костыль почувствовал, как засосало под ложечкой.

«Твою мать, – выругался он про себя. – Какого хрена этот мент торчит на дороге в такую рань? Пантелей же сказал, что все будет тихо».

Он сбросил газ, уменьшил скорость. Мозг принялся лихорадочно просчитывать варианты. Проверка документов или хозяин настучал? Погоди, какой хозяин? Пантелей сказал, что он в отъезде. Может, все обойдется? Надо было с собой пузырь захватить. Дурак, не подумал.

Костыль остановился возле дежурного гаишника и, наклонившись к правой дверце, опустил стекло.

– В чем дело, командир? – беззаботно улыбаясь, спросил он.

– Старший сержант Сазонтьев, – вяло козырнул гаишник. – Права и документы на машину.

– Права? Это можно, – откликнулся Костыль, для виду шаря у себя в кармане.

В этот момент из кирпичного одноэтажного здания поста ГАИ вышел еще один милиционер в офицерской форме. Он держал руку на боку, возле кобуры.

«С этим не добазаришься. – Мысль просвистела, как пуля. – Пора рвать когти».

Не ожидая ни секунды, Костыль вдавил педаль газа до упора и рывком сбросил сцепление. Двигатель взревел, задние колеса завизжали, заскользили на подледневшем грунте обочины, морозный воздух наполнился запахом обгорелой резины, паром и пылью.

«Жигули» повело в сторону, и сержант Сазонтьев, рискуя быть сбитым, с невероятной прытью отскочил.

Наконец колеса зацепились за грунт, и машина рванулась вперед. Костыля вдавило в спинку сиденья подобно пилоту в набирающем скорость истребителе.

– Стой! Куда? – заорал лейтенант Евсеев, выхватывая из кобуры пистолет. – Стой!

Но «Жигули» уже выскочили на асфальт шоссе и, вихляя из стороны в сторону, набрали скорость. Костылю наконец удалось выровнять автомобиль на проезжей части, и, не переключая скорости, он разогнался до сотни километров в час. Лишь после этого он смог глянуть в зеркало заднего вида.

Посреди дороги, бессмысленно размахивая пистолетом, стоял лейтенант-гаишник и что-то кричал. Сержант, проверявший документы, ошеломленно вертел головой и вытирал лоб рукавом бушлата.

– Что, перессал? – засмеялся Костыль, бросая в рот сигарету.

Он прикурил и тут же глубоко затянулся, заполнив дымом легкие.

– Фу, – выдохнул Костыль. – С этими разобрался, а дальше-то что?

До места назначения оставалось еще километров сорок. Но уже через минуту вся областная ГАИ будет оповещена о дерзком поведении водителя красных «Жигулей». Если и не вся, то по меньшей мере ближайший пост, где его могут ждать. Костыль не знал, что делать.

Рвануть по проселку? Куда? Что потом? Бросить лайбу? Это означает только одно – не выполнить обещание и подвести под монастырь собственного брата.

«Ах, Игнат, Игнат, не уследил я за тобой, – укорял себя Константин. – Пока были вместе, ты рос нормальным пацаном, а стоило мне отправиться на выполнение долга перед Родиной, и тебя посадили на иглу».

Игнат был его младшим братом. Обоих на родной улице провожали многозначительными взглядами соседки и, переглядываясь между собой, говорили:

– Безотцовщина...

Накануне вечером Игнат прибежал домой в состоянии крайнего возбуждения. Мать, как обычно, была на работе. Константин сидел перед телевизором с бутылкой пива в руке.

– Ты чего? – спросил он.

С братом случилась настоящая истерика.

– Костыль, они меня попишут. Я из дому не могу выйти без денег. Я – покойник, понимаешь? Жмурик.

Константин резко встал.

– Заткнись! – оборвал он нервные причитания Игната. – Возьми себя в руки, ты же не баба.

Игнат кинулся на диван, обхватил руками голову и стал качаться взад и вперед.

– Не могу, не могу. Даже если они меня не пришьют, я все равно сдохну. Мне ширнуться надо, а там они.

– Что? – не поверил услышанному Константин.

– Вот, смотри. – Игнат рванул рукав болоньевой куртки и показал испещренное мелкими точками запястье.

– Давно? – только и смог спросить Константин.

– Какая разница? Год. Тебя не было, я же не думал...

– Сколько задолжал?

Почувствовав какую-то надежду, Игнат вскинул голову.

– Две...

Встретившись взглядом с Константином, он отвел глаза и поправился:

– Три. Три косых.

– Ах ты, засранец...

Константин едва подавил в себе острое желание врезать непутевому братишке крепкий подзатыльник.

– Ты еще небось и у матери воровал?

– Ничего я не брал! – взвизгнул Игнат. – Я бы столько не задолжал.

Константин чувствовал, что Игнат говорит правду.

– Кому должен?

– Кому, кому, – плаксиво сказал Игнат, – Пантелею. Он у нас самый богатый.

Про Пантелея в этом маленьком подмосковном городке ходила дурная слава. Впрочем, с виду он был тихим неприметным мужичонкой лет сорока – сорока пяти, одевался скромно и ездил по городу на стареньком, кое-где насквозь проржавевшем «Москвиче».

Пантелея часто видели в местном кафе «Радуга», где у его столика постоянно вертелись сомнительные личности с синими от татуировок пальцами.

– Он что, тебе угрожал?

– Нет, он никому не угрожает. Но у него дружки есть... Вот они...

– Кто такие?

– Ты их не знаешь. Хлыст, Шила, Борисик. Сказали, чтоб без денег не возвращался, иначе...

– Иначе – что?

– На ножи поставят.

После этой фразы Игнат как-то обмяк, завалился на диван – в верхней одежде и обуви – и закрыл глаза рукой.

Константин направился в прихожую, где снял с вешалки куртку.

– Я сам разберусь, – одеваясь, сказал он. – Никуда из дому не выходи.

Он напрямик направился в кафе «Радуга», зная, что Пантелея можно найти там в любое время дня и ночи.

Константин не ошибся. Местный авторитет сидел за столиком у окна в окружении нескольких подельников, лениво развалившихся на стульях. Увидев направляющегося к столику высокого широкоплечего парня в куртке защитного цвета, двое крайних тут же встали и преградили ему дорогу.

– Куда прешь? – сверкнув золотой фиксой, спросил один из них – невысокий коренастый крепыш.

Константин почувствовал отчаянное желание врезать ему по роже и сбить спесь. Он кожей ощутил, как у него начинают чесаться кулаки. Но из-за столика донесся тихий примиряющий голос Пантелея:

– Не кипишуй, Борисик, это ко мне.

* * *

Шестое чувство подсказало Костылю, что можно свернуть на ближайший проселок. Дорога была настолько разбитой, что по ней мог пройти только танк. Через сто метров машину пришлось остановить. Константин заглушил мотор, вышел на воздух и, закулив, принялся размышлять.

Не прошло и минуты, как он услышал вой милицейской сирены.

«Опомнились, гады, – с ненавистью подумал Костыль, вглядываясь в просветы между деревьями. – А сирену-то зачем включили? Лесное зверье пугать?»

Милицейский «жигуленок» промелькнул на шоссе, а через минуту затихла и сирена.

«Неужели придется возвращаться?» – с тоской подумал Костыль.

Он докурив сигарету, вдавил окурочком носком ботинка в еще зеленую подушку мха и зло сплюнул.

«А, была ни была! Как говорил наш комбат – или грудь в крестах, или голова в кустах».

Он развернул машину, выехал на шоссе и рванул туда, где недавно затихла милицейская сирена.

Ничего, прорвемся, и не такое бывало.

Встречи долго ждать не пришлось. Километров через десять на пустынном участке шоссе Костыль увидел две милицейские машины – уже знакомые «Жигули» и сине-желтый «уазик», из тех, что в просторечии зовутся «луноходами».

Они стояли по обеим сторонам дороги, перегородив проезжую часть. «Луноход» стоял первым, чуть поодаль – «Жигули». Один милиционер проверял документы у водителя остановившегося на обочине «Москвича», еще трое покуривали в сторонке. На плечах у них болтались короткоствольные автоматы.

«Аксушки», – наметанным глазом определил Костыль тип оружия. Его тут же охватил знакомый с Афгана азарт.

Ладно, посмотрим, что вы со своими пукалками сможете сделать.

Он рванул вперед, вдавив акселератор до упора. План созрел у него мгновенно. Машины, преградившие ему путь, стоят не одна за другой, а на расстоянии нескольких метров. Между ними виден просвет.

«Если правильно рассчитаю, прорвусь».

Заметив приближающиеся красные «Жигули», менты побросали окурки и демонстративно рванули с плеч автоматы. Заклацали затворы.

– Давайте, давайте, – зло засмеялся Костыль. – Первый выстрел в воздух.

Мент, стоявший возле «Москвича», мгновенно швырнул документы в лицо ничего не понимающему водителю и резко махнул жезлом.

Костыль решил применить ту же хитрость, что и четверть часа назад, но с небольшой поправкой на ситуацию. Перейдя на низшую скорость, он немного сбавил газ, а для пущей убедительности открыл окно и высунул руку, подняв ее вверх. Обычно таким жестом водители предупреждают о торможении.

Под прицелом милицейских «АКСУ-74» он проехал последние пятьдесят метров до заслона, потом убрал руку, резко рванул руль вправо и добавил газу.

«Шестерка» послушно мотнулась в сторону, объезжая «уазик». Всем телом налегая на руль, Костыль до предела вывернул его влево, но все-таки зацепил милицейский «жигуленок». Зазвенели разбитые фары, осколки стекла посыпались на асфальт. После удара сине-желтую машину ГАИ отшвырнуло на обочину.

Костылю едва удалось удержать руль, иначе его машину могло развернуть.

Ошарашенные менты пришли в себя лишь спустя несколько секунд. Костыль услышал за спиной несколько выстрелов, когда заслон остался метрах в пятидесяти за спиной. Оглянувшись, он увидел, как менты бежали к машинам, бессмысленно стреляя в воздух.

– Идиоты!

Словно услышав его восклицание, один из милиционеров навскидку выпустил очередь из автомата вслед удалявшемуся автомобилю.

– Давай, давай, – раззадоренно кричал Костыль, – веером! От бедра!

Мимо открытого окна просвистели несколько пуль. У короткоствольной «аксушки» очень низкая кучность, и Костылю даже в голову не могла прийти мысль, что пуля может зацепить его машину.

Раздалась еще одна очередь, потом выстрелы затихли.

Поняв всю бесполезность такой стрельбы, менты бросились к машинам. Два автоматчика сели в «уазик», сержант-гаишник в «Жигули» с разбитым левым крылом.

С завыванием сирен машины бросились в погоню. Конечно, на шоссе у Костыля было преимущество. Ему ничего не стоило оторваться от тихходного «уазика» и битого сине-желтого «жигуля», но они сейчас из своих долбанных машин наверняка вызывают подкрепление...

Костыль принял парадоксальное решение – он свернул на первую же проселочную дорогу, возле которой стоял указатель с названием какой-то деревни. Надпись Костыль прочитать не успел. Он вел «шестерку» по ухабам и ямам, почти не снижая скорости.

Машину трясло и швыряло из стороны в сторону, как во время ралли. Костыль даже пожалел о том, что не пристегнулся. Но сейчас у него уже не было времени.

Он ехал через деревню, которая уже проснулась. Несколько стариков во дворах проводили удивленными взглядами несущийся на бешеной для этих мест скорости автомобиль и две милицейские машины, мчавшиеся следом.

Костыль увидел перед собой развилку. Дорога прямо вела через поля – выбоины, лужи неизвестной глубины. Дорога направо была получше и, судя по возвышающимся вдали длинным крышам, вела к коровнику.

Костыль повернул направо. Он не снижал скорости, и на повороте его занесло. На этом он потерял пару драгоценных секунд. Погоня была уже метрах в ста позади него.

Но это только разжигало азарт. Кровь кипела, как в бою. Давно он не испытывал этого пьянящего вкуса жизни. Давя на педаль газа, он словно впрыскивал себе адреналин.

Впереди на дороге показался трактор с прицепом.

«Дерьмо на поля вывозят, – весело подумалось Костылю. – Сеять скоро...»

Но ситуация была вовсе не такой оптимистичной. Трактор занимал всю проезжую часть дороги. Услышав вой сирен и увидев три машины, несущиеся ему навстречу, механизатор ударил по тормозам. Грузенный навозом тяжелый прицеп понесло в сторону на покрытом жидкой грязью проселке.

Костылю не оставалось ничего другого, как вывернуть руль вправо и швырнуть машину в кювет. Машина грохнулась вниз, по инерции проскочила мимо трактора и вылетела на ближний откос. Скорость была так высока, что автомобиль вышвырнуло на проезжую часть боком. Метров двадцать «Жигули» проехали на двух правых колесах.

Костыль судорожно уцепился за руль, чтобы не выпасть из водительского кресла. Наконец правое переднее колесо угодило в какую-то яму, и машина, потеряв равновесие, опустилась на четыре точки. Костыля швырнуло вперед, он больно ударился грудью о рулевую колонку.

– Каскадер, бля, – выругался он.

Если для Костыля это приключение закончилось почти благополучно (не считая ушибленной грудной клетки), то ментам повезло меньше.

Вырвавшийся вперед желто-синий «жигуленок» тоже съехал в канаву. Сидевший за рулем сержант решил повторить тот же трюк. Но он не смог справиться с управлением, и на выезде из кювета машина опрокинулась на крышу.

Несколько метров ее несло юзом, пока машина наконец не остановилась. С еще вертящимися колесами милицейские «Жигули» напоминали огромного странного жука, перевернувшегося на спину и беспомощно шевелящего лапками.

Со скрипом открылась дверца, и на дорогу вывалился охреневший сержант.

Водитель «уазика» затормозил перед трактором, но избежать столкновения не смог. «Луноход» рубанулся в переднее левое колесо трактора и застыл на месте. Из окна высунулся мент в форме сержанта и, в ярости размахивая короткоствольным автоматом, заорал:

– Ты, бля, какого хера тут стоишь?

– Чего? – по-простому спросил деревенский тракторист, хлопая глазами.

– Мать твою, перемать, убирай на хрен свое кадило. Разъездились!

Пока непонимающий деревенский тракторист Вася пожимал плечами и заводил трактор, менты отогнали «уазик» назад и аккуратно объехали преграду по самому срезу дороги.

Они остановились возле перевернувшихся «Жигулей», рядом с которыми обессиленно сидел водитель.

– Сержант, живой?

– Э... – Тот едва нашел в себе силы махнуть рукой. – Давай...

– Поехали!

Набирая скорость, «уазик» продолжил преследование.

Тем временем Костыль добрался до коровников. Дорога тремя лучами уходила к длинным полуразвалившимся строениям с черными дырявыми крышами. Костыль остановился и потерял еще несколько секунд, выбирая направление.

Он решил ехать по крайней правой дороге, которая показалась ему самой чистой.

Он ошибся. Это стало ясно, как только Костыль свернул за коровник. Из широко распахнутых ворот среди строения задним ходом выехал молоковоз. Из раскрытой горловины цистерны плескало через край молоко.

– О, мать твою...

Костыль успел сбросить скорость и затормозить. Он начал объезжать грузовик справа, когда из-за поворота выскочил милицейский «уазик» и рванулся наперехват.

Что, таранить собираетесь?

Костыль без особого труда вывернул на дорогу и помчался в направлении ближайшего леса, верхушки которого возвышались в паре километров отсюда. Дорога была чуть получше. «УАЗ» тоже не отставал, держась метрах в ста за спиной.

Это начинало действовать на нервы.

Эх, сейчас бы «лимонку» под колеса им швырнуть, полетали бы, красавцы. А еще лучше «РПГ»...

Однажды разведывательно-диверсионный взвод из состава батальона, в котором он служил в Афгане, двое суток лежал в засаде. Ждали небольшой караван с оружием. В составе каравана было четыре полугрузовых «Тойоты».

На одной из них «духи» установили крупнокалиберный пулемет «ДШК», за которым стоял боец. Это оружие могло причинить много вреда, и уничтожить его надо было первым выстрелом.

Ефрейтор Панфилов из ручного противотанкового гранатомета «РПГ-22» подорвал «Тойоту» первым же выстрелом, за что, кстати, был представлен к боевой награде. Но представление затерялось где-то, осело в штабных архивах.

Конечно, сейчас за спиной были не моджахеды. Может быть, кто-то из этих парней в милицейской форме тоже прошел афганскую школу, но теперь они и Костя Панфилов по

кличке Костыль, которая осталась у него еще со школьных лет, были разделены невидимым барьером.

Они – охотники, он – жертва. Они ставили ему капканы, старались загнать за флажки, а он смог вырваться, не стать мишенью. После того что произошло с ним за последние два года, он никогда не сможет жить как прежде.

– Едри твою мать... – от неожиданности вырвалось у Костыля.

Поначалу он даже не понял, что произошло. Раздался громкий, какой-то чавкающий звук, и половина заднего стекла «Жигулей» разлетелась вдребезги.

Он взглянул в зеркало заднего вида. Из «уазика» по нему стреляли – пока из одного автомата.

Если бы Костыль мог услышать, что происходит в преследующей его машине, до него донеслись бы отчаянные возгласы:

– По колесам стреляй, по колесам!

– Какие колеса? Его вообще замочить надо! Сука, мы из-за него себе головы поссорачиваем.

– Я сказал – по колесам! Я тут старший!

Одна очередь, другая. Несколько пуль ударили по задней части корпуса. Звук был до жути неприятный – как будто начало лопаться железо. Очень похоже на звук пуль, стучащих по броне БТРа.

Еще одна шальная пуля влетела в салон через разбитое заднее стекло и оставила круглую дырку, покрытую мелкой паутинкой трещин, в лобовом стекле.

– Пристрелялись, гады.

Костыль только сейчас понял, что сам облегчил ментам жизнь. Стремясь оторваться от них, он вел машину по прямой. А они повисли на хвосте и, тут же воспользовавшись этим, открыли огонь.

Поворот руля влево, вправо, еще раз вправо, снова влево. Пусть подергают своими короткоствольными пукалками. Очередь – мимо. Еще очередь – опять в воздух.

Вот так-то, знай наших!

Впереди лес, куда углубляется проселочная дорога. Уже совсем недалеко. Но впереди на дороге огромная выбоина. Придется снова объезжать по кювету. Чтобы не повторился фокус с двумя колесами, придется сбросить скорость.

В тот самый момент, когда Костыль приготовился совершить еще один маневр, сбросил газ – его и подстрелили. Наверное, менты поняли, что и на этот раз ему удастся уйти, и от отчаяния один из них выпустил остаток магазина по красным «Жигулям». Одна пуля угодила в левое заднее колесо, которое грохнуло не хуже, чем граната из «РПГ».

Машину занесло, бросило в выбоину и перевернуло на крышу. Кувыркаясь по инерции, она влетела в кювет.

У Костыля не хватило времени, чтобы совладать с неуправляемым автомобилем. Единственное, что он успел инстинктивно сделать, – прижался грудью к рулевой колонке. Это было единственно правильным решением, потому что в противном случае при первом же ударе не пристегнутого ремнем водителя рулевая колонка продавила бы насквозь.

Ногами Костыль упирался в пол. Все его мышцы буквально окаменели и оставались напряженными до полной остановки машины.

Наконец автомобиль ударился в стенку кювета и застыл. Костыль, потерявший при ударе ориентировку, первым делом попытался определить, в каком положении он находится. Судя по всему, «Жигули» лежали на боку.

Костыль упал вниз, на дверцу пассажира. Он попробовал пошевелиться. Кажется, все цело. Помогая себе руками, он выпрямил ноги и попытался носком ботинка открыть дверцу. Бесполезно – заклинило.

Опершись на руках, он изо всех сил саданул ботинком в растрескавшееся лобовое стекло. Кажется, поддается. Еще удар, еще один – стекло высыпалось наружу.

И тут он почувствовал в салоне явственный запах бензина. Похоже, подтекает. Если попадет на разогретый двигатель – крышка!

Изгибаясь, словно червяк, он протиснулся наружу и, держась руками за крышу машины, выпал в кювет. При падении что-то хрустнуло. Неудачно упав, он, кажется, вывихнул запястье.

Рядом послышался шум тормозов подъезжающего «уазика», менты повыпрыгивали наружу. Потом раздался какой-то неразборчивый возглас и топот милицейских сапог.

Но они бежали не к перевернувшимся «Жигулям», а назад.

Сейчас п...нет.

Костыль попытался встать, но не смог. Все тело болело после аварии. Хотя бы ползком, подальше, пока не взорвалась машина. Он пополз по отвисшему от грязи откосу, и, когда «Жигули» остались метрах в пяти за спиной, раздался взрыв.

Над головой просвистели горящие шины. На проезжую часть дороги с грохотом упала искореженная дверца.

Костыль едва успел закрыться рукой, и это спасло его от сильных ожогов. От мощного удара пламени загорелся рукав куртки. Пока Костыль успел потушить его, запястье до локтя обгорело. Невезучая все-таки эта рука – и ожог, и вывих.

А потом наступило время ментов...

Глава 2

Он очнулся от холода. Странно, однако именно это ощущение было первым, которое проникло в его сознание.

Боль появилась потом. Но, овладев его телом, она уже не отпускала. Так и напоминали они о себе – одновременно боль и холод.

Открыв глаза, он увидел перед собой грязную серую плоскость потолка. Плохо выбеленная, в грязных разводах влаги, плита словно дышала, то приближаясь, то отдаляясь. Потом она начала медленно вращаться. Он понял, что это было головокружение.

Ощущение было словно после контузии – звон в ушах, головокружение, тошнота подкашивала к горлу. Он снова закрыл глаза, но стало еще хуже.

Лучше было бы сразу попасть на тот свет – там хоть тепло. Он снова открыл глаза, чуть приподнял голову, лежавшую на подушке, и глянул по сторонам. На большее сил у него не хватило.

– Ты смотри, очухался, – раздался тонкий, почти детский голос.

Следом за ним прозвучал другой, ниже и грубее:

– А я думал, он коньки откинёт.

Теперь Панфилов понял, почему ему холодно. Его босые ноги торчали из-под тонкого солдатского одеяла. Посиневшие пальцы с отросшими ногтями казались неестественно большими. Он шевельнул ногами, пытаясь спрятать пятки под одеялом.

– Замерз, – снова прокомментировал тонкий голос.

– Ничего, – отозвался другой, – не помрет. Слышь, ты, чмошник, живой?

Скривившись от боли, Константин повернул голову. Он лежал в довольно просторной комнате с выкрашенными бледно-зеленой краской стенами, большим окном со стороны головы и единственной лампочкой под потолком.

Комната была начисто лишена мебели, если только не считать двух кроватей с жесткой панцирной сеткой. На одной из них лежал Панфилов.

Снизу панцирную сетку прикрывала серая простыня, сверху темно-коричневое одеяло толщиной в газетный лист. Неудивительно, что он замерз. В комнате едва ли было теплее, чем в морге.

Повернув голову, Константин почувствовал, что она плотно забинтована.

На панцирной сетке без белья, расположенной у противоположной стены, сидели, небрежно развалясь, двое солдат. Они были в растянутых на груди шинелях с малиновыми погонами. Их шапки лежали рядом. Один, с погонами без лычек, выглядел совсем юнцом. Похоже, его лицо еще не знало бритвы.

Второй, с лычками младшего сержанта, лениво пнул рядового ногой.

– Иди, Соломатин, глянь, что с ним.

Молодой неохотно поднялся, подошел к Панфилову и, наклонившись, заглянул ему в глаза.

– Точно, живой, – сказал он сержанту, а потом обратился к Константину: – Слышишь что-нибудь?

Панфилов едва заметно шевельнул головой.

– Порядок, – обрадованно закрутил головой рядовой Соломатин, – можно докладывать.

– Я тебе покажу докладывать, – беззлобно пробурчал сержант. – В наряд захотел?

– А за что в наряд-то?

– Первый день замужем? Если не в наряд, то в караул. У тебя сейчас зимняя форма одежды есть? Есть. Тут тепло, светло и мухи не кусают. Сиди, не рыпайся. А будешь перед начальством прогибаться, я сам тебе рыло начищу. Понял?

– Так точно, товарищ младший сержант, – пожал плечами рядовой Соломатин.

Он вернулся на место и уселся на кровать рядом с сержантом. Ржавая панцирная сетка жалобно заскрипела. Постепенно сквозь бинты до слуха Константина стали доноситься и другие звуки: шум двигателя работающей где-то неподалеку машины, шаги в коридоре, какие-то отдаленные крики.

– Пойду покажу, – сказал младший сержант, поднимаясь с кровати и снимая шинель. – А ты, салабон, за ним присматривай.

Сунув в рот «Приму» из мятой пачки, младший сержант закурил, пыхнул дымом и вышел из комнаты. Константин почему-то обратил внимание на кованные кирзовые сапоги с голенищами, смятыми в гармошку. «Дед, – подумал он, – скоро на дембель. Стоп. Какой дед, какой дембель, я что, опять в армии? Или это сон? Мне все снится?»

Ему захотелось ущипнуть себя. Он попробовал шевельнуть пальцами левой руки и понял, что делать этого не следовало. Рука ответила сильной, резкой болью. Константин даже не выдержал и чуть слышно застонал.

– Ты чего? – тут же откликнулся рядовой Соломатин. – Лежи спокойно, не дергайся.

Нет, уж как-то слишком больно и холодно для сна. Голова гудит, опять перед глазами все поплыло. Чуть придя в себя, Константин собрался с силами и выдавил из себя:

– Ты кто?

Собственный голос донесся откуда-то издалека и показался совершенно чужим.

– Дед Пихто, – засмеялся солдат.

– Где я?

Соломатин встал с кровати и, сунув руки в карманы хэбэ, подошел к Панфилову.

– Будешь много знать, скоро состаришься, – улыбаясь, сказал он.

Но Константин в упор смотрел на солдата. Соломатин неожиданно оглянулся, потом присел на корточки прямо в накинута на плечи шинели.

– Вообще-то нам нельзя с тобой разговаривать. Если узнают, пять нарядов вне очереди выпишут.

– Сержанта боишься? – проговорил Константин.

– Нет. Он так своими сапогами гремит, что я его за версту слышу. «Кусок» у нас тут один есть... Вообще-то здесь с тоски помереть можно. – Он придвинулся поближе к кровати и заговорщицким голосом произнес: – Это правда, что ты опасный преступник? У нас в полку говорят, что ты несколько человек замочил.

– Где говорят?

Солдат понял, что проболтался, покраснел и быстро-быстро заморгал ресницами.

– А, чего уж там, – махнул он рукой. – Ты сейчас в милицейском полку МВД, внутренние войска то есть. А это медсанчасть наша. Тебя сюда позавчера привезли, боялись, что живым не довезут. Специально вот целую палату освободили. Наш врач сказал, что крепко ты в машине разбился...

В памяти Константина явственно всплыло, как он выбрался из машины и пополз прочь. Потом был взрыв, кажется, горел рукав куртки. А потом его начали бить...

– Нас поставили и приказали сообщить, когда очухаешься... Ой, подожди... Кажется, товарищ младший сержант идет... Точно.

Солдат резко выпрямился, едва не уронив шинель с плеч. Константин испытывал неимоверную усталость. Сердце глухо kloкотало в груди, на лбу выступили капли пота. Он не видел, как в комнату вернулся младший сержант, потому что в тот самый момент, когда скрипнула дверь, Панфилов потерял сознание.

* * *

– ...множественные переломы ребер, сотрясение мозга, вывих и перелом предплечья, ожог второй степени. А так, в общем, ничего, повреждений внутренних органов нет, – донесся до него незнакомый голос. – Крепкий парень. Выкарабкается. Ему сейчас покой нужен.

– Как долго? – Еще один незнакомый голос.

– Дней десять, не меньше.

– Не сбежит?

Короткий смешок.

– Куда же ему бежать-то?

– Ладно, через неделю я его заберу.

– Недели маловато...

– Хватит. Теперь здесь будет дежурить мой человек. Чтобы никаких контактов. А почему у вас так холодно?

– Зима, товарищ капитан. А нормы обогрева такие же, как в казарме.

– Тогда накройте потеплее. Еще не хватало, чтобы мой подследственный замерз.

Панфилов прослушал весь этот разговор с закрытыми глазами. Когда раздались шаги, он осторожно приоткрыл веко и увидел две удаляющиеся мужские фигуры. Один из посетителей был в милицмейском мундире. Наверное, тот самый капитан, для которого Панфилов – подследственный. Слово-то какое гнусное. Как будто взгромоздился на него кто-то сверху и дрючит во все дыры...

А вот и еще один в милицмейском мундире. Погон его Константин разглядеть не успел, потому что сразу закрыл глаз. Солдатам уже не доверяют, боятся.

Потом из каптерки принесли еще одно одеяло, накрыли его. Согревшись, Константин быстро уснул.

* * *

Он не знал, сколько прошло времени – сутки, двое, трое. Казалось, только-только уснул. Открыл глаза – рядом все тот же мент с непроницаемой физиономией, у кровати – стул, на нем пузырьки, баночки и еще что-то. Голова гудит поменьше, тело болит не так сильно. Но теперь щемит желудок.

– Браток, – обратился Константин к соглядатаю, – пожрать бы чего.

– Тамбовский волк тебе браток, – зло отозвался мент. – Не положено.

Константин скосил на него глаза – вроде молодой пацан, ровесник даже, лицо простое, деревенское, сержантские лычки – откуда столько ненависти?

– Заморишь голодом подследственного, начальство по головке не погладит, – тщательно выговаривая слова, сказал Константин.

Подействовало. Вышел куда-то на полминуты. Потом вернулся. Еще через некоторое время дверь палаты распахнулась, показалась тележка с алюминиевыми мисками. Следом за ней – девушка в белом халате.

Пока медсестра занималась больным, милиционер уселся на подоконник. Девушка помогла Константину присесть на подушку, потом взяла алюминиевую миску и стала кормить Панфилова с ложки. Константину показалось, что в своей жизни он не ел ничего вкуснее этого жидкого рассольника.

– Вот так, больной... вот так. Хорошо. Идете на поправку. Как голова?

Он молча кивнул в ответ.

– Вот и слава богу.

После еды она дала ему какие-то таблетки, осмотрела перевязанную руку, но бинты менять не стала.

– А теперь отдыхайте, вам надо побольше спать, больной.

Через пару дней он уже мог двигаться по пустой палате под пристальным взглядом милицкого сержанта. Сначала ходил возле кровати, держась здоровой рукой за спинку. Постепенно начали снимать бинты.

Лечащий врач, лейтенант медицинской службы, сказал Константину, что выздоровление идет успешно и скоро его переведут в другое место. Нетрудно было догадаться, что этим местом станет тюрьма.

Панфилов не ошибся. За ним приехал автозак-«блондинка». Двое конвойных, не слишком обращая внимания на бинты и гипс, тычками в спину затолкали Константина в фургон. Ему пришлось молча снести это унижение, но в памяти осталась еще одна зарубка.

Стоял ясный морозный день. Через маленькое зарешеченное окошко был виден кусочек ослепительно голубого неба, утыканного острыми верхушками елей. Дивный русский лес...

На горячем песке афганской пустыни Дашти-Марго, на мертвых камнях Гиндукуша лес с чистой речкой и мягкой травой на опушке мог только присниться. Это была несбыточная мечта, растворявшаяся в вечности и пространстве. Кстати, и небо там было другое...

Часа через полтора приехали. Панфилов услышал, как снаружи раздался скрип открывающихся стальных ворот, донеслись чьи-то голоса. Еще минута движения – и машина остановилась.

– На выход, – скомандовал один из конвойных.

«Только бы в спину прикладом не толкал, – подумал Константин. – Ребра еще как следует не зажили».

Вслух он ничего не сказал. Спустился вниз следом за конвоиром и зажмурился от яркого солнца, бывшего прямо в глаза.

Эх, хорошо сейчас на воле. Снежок поскрипывает под ногами. На рыбалочку бы сейчас. Одеться потеплее, просверлить лунку во льду, забросить снасти, достать пузырек и хорошенько согреться изнутри.

Страсть к рыбалке он питал еще с детства. Есть рыбаки, которым зимний промысел не в кайф – холодно, мол, задницу поддувает. Это потому, что они на своей шкуре не испытали, насколько изнурительна летняя жара. У нас слишком мягкое, а то и прохладное лето...

Его размышления прервал грубый оклик и толчок в спину.

– Шевелись!

Константин вошел в невысокое двухэтажное здание, даже не успев разглядеть, что написано на табличке у входа. Но по остро шибанувшему в нос запаху в узком полутемном коридоре сразу же понял, что его привезли в больницу. Все же лучше, чем камера следственного изолятора.

После прохождения некоторых формальностей, связанных с переездом, Константину выдали застиранную, горчичного цвета пижаму («Какие тут, к черту, пижамы?» – мелькнула странная мысль), потом препроводили в палату.

Здесь было не так просторно, как в медсанчасти милицкого полка. В комнатухе размером четыре на четыре метра стояло восемь кроватей, и все они были заняты больными.

Один, с перевязанным горлом, глухо покашливал в кулак. Еще несколько человек лежали, с головой накрывшись одеялами. Трое сидели возле угловой кровати. Вид у них был вовсе не болезненный.

Когда в палату ввели новичка, те, кто не спал, обратили на него изучающие взгляды. Константину досталась продавленная кровать у самого входа.

Сопровождавшая Панфилова медсестра застелила постель свежим чистым бельем и показала на рассохшуюся потрескавшуюся тумбочку.

– Сюда можете складывать свои вещи, – сказала она тусклым бесцветным голосом. Константин пожал плечами.

– Нет у меня никаких вещей.

Это не произвело на сестру никакого впечатления. Закончив с Панфиловым, она бросила короткий взгляд на троицу, собравшуюся в углу, и осуждающе покачала головой.

– Опять в карты играете.

– Какие карты, сестра? – по-блатному нараспев произнес один из них, самый крепкий на вид, и нагло улыбнулся. – У нас все путем, лечимся.

– Ну-ну...

После того как сестра вышла, Константин уселся на кровать, сунув под спину тощую подушку.

В углу тут же появились карты.

– Кто раздает? – глухо спросил один из игроков.

– А? Сирота.

– Ты перед этим слил, ты и сдавай, Кисель, – ответил тот, который минуту назад разговаривал с медсестрой. – Нет, погоди, у нас тут свежий есть. Может, он сыграет? Слышь, кореш, в буру перекинемся?

– Благодарю, – спокойно ответил Панфилов, – не обучен.

– Херня, – махнул рукой Сирота, – научись. Главное – начать.

– Потом, в другой раз, – твердо сказал Константин.

– Ты че, брусок, брезгуешь? – с неожиданной злостью произнес Сирота.

– Не заводись ты, – успокоил его Кисель, – бери стирь, я уже сдал.

Сирота неохотно взял карты, метнув уничтожающий взгляд на Константина – мол, еще разберемся.

Несмотря на то что на улице стоял мороз, здесь, в палате, было тепло и даже душновато. Больничные ароматы смешивались с запахом немых тел и еще чем-то, создавая тот неповторимый стойкий аромат, который, однажды узнав, невозможно забыть до конца жизни.

Блатные в углу принялись увлеченно играть в карты, казалось, совершенно позабыв о новеньком.

– Моя взятка, – доносились крики из угла.

– Что ты гонишь?

– Моя, говорю.

– А ну покажь, покажь.

– Во, бля буду.

– Ладно, бери.

Сидеть было неудобно, и спустя минуту Константин лег на спину. Глядя в серый с грязными разводами потолок, он старался гнать от себя тяжелые мысли.

Больной на соседней кровати зашевелился, и из-под одеяла высунулась растрепанная голова. Мужичок лет сорока сонно заморгал, протер ладонью глаза. Приглядевшись к Панфилову, он негромко спросил:

– Свежий?

– Что? – не расслышал Константин.

– Новичок, говорю?

– Угу.

– По чем бегаешь?

– Не понял.

– За что взяли?

– Так, ни за что.

Мужичок хитровато улыбнулся.

– Так только кошки родятся. Если сюда попал, значит, за дело.

Константин не испытывал никакого желания выворачивать душу наизнанку. Но сосед почему-то вызывал у него доверие, и Панфилов коротко сказал:

– Тачку угнал.

– Это хорошо, – одобрительно сказал мужичок, чем вызвал немалое удивление собеседника.

– Что ж хорошего? – спросил Панфилов, все так же мрачно глядя в потолок.

– Многому тебе еще учиться надо, – сунув руку под голову, сказал сосед. – Понятий не знаешь. Косяков можешь напороть столько, что... – Он многозначительно чмокнул губами.

– А ты за меня не волнуйся.

– Так ведь мораль христианская не позволяет.

– Ты что – поп? – с недоверием произнес Константин.

– До священника, к сожалению, я не доучился, – вполне серьезно сказал сосед, – нагрешил. А так можно сказать, что поп.

Константин не сдержал любопытства и повернулся, чтобы посмотреть на странного соседа.

– Что, не ожидал такое услышать в тюрьме?

Константин снова отвернулся.

Мужичок ничуть не смутился.

– Погоняла у тебя есть? То бишь кличка?

Почему-то всплыли в памяти кликухи «шестерок» Пантелея: Хлыст, Чалдон, Борисик.

– Константином меня зовут, фамилия моя Панфилов.

– Нету, значит, – понимающе сказал мужичок. – Ничего, получишь прописку, окрестят тебя как надо. Раз окунулся в кичиван, привыкай. Здесь свой закон.

– Я уже прописан, – без всякой задней мысли сказал Панфилов.

– Про штамп в своей ксиве можешь забыть, это здесь никого не волнует. Сам-то откуда?

– Из Запрудного.

– А, можно сказать – местный. Но от этого тебе легче не станет. Тут, в серпуховском СИЗО, можно даже из Магадана пацанов встретить.

«Почему Серпухов? – подумал Константин. – Хотя... хрен их разберет, этих ментов». Вслух он спросил другое:

– Ты сам-то кто такой?

– Скокарь я, квартирный вор значит. А погоняла моя Архип.

Архип выпростал из-под одеяла руку и всей пятерней почесал макушку. Наружная сторона ладони и предплечья вора были синими от татуировок.

– К следаку еще не ходил?

– К следователю, что ли?

– Ну.

– Не ходил.

– Давно тебя замели?

– А твое какое дело?

– Значит, давно, – уверенно сказал Архип. – Странно как-то. Вообще-то у них все как на конвейере. Ничего, скоро со своим следаком познакомишься. Мой тебе совет – не покупайся на понтяры. Они всегда начинают с дешевых наездов. Мол, засадим тебя на кичиван до гробовой доски, мать родную не увидишь. Или, наоборот, – чистосердечное признание смягчает вину. Это значит – наплетешь восьмерин, пожалеет. Туфта все это, никого они не жалеют. Им бы только по плану отчитаться.

Константин подозрительно покосился на соседа.

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Думаешь, что я наседка? – усмехнулся Архип. – Правильно, на зоне верить никому нельзя. Запомни главное из правил – не верь, не бойся, не проси.

– Так я же еще не на зоне, – усмехнулся Константин.

– Может, оно и так. Больничка – это, конечно, еще не зона. Но раз сюда попал, значит, и до хаты недалеко. Хата – это и есть зона. Строгача тебе, конечно, не дадут, и крыта вряд ли светит, то есть тюрьма по-нашему. А вот общаг – колония общего режима – тебе обеспечен. Раз сюда попал, значит, дальше тебе только одна дорога – чалиться. Не дай бог тебе, пацан, попасть в красную, то есть ссученную, зону. Одно запомни – как себя поставишь с самого начала, так и будешь жить до смерти.

– А что такое красная зона?

– Это колония, в которой живут не по нашим воровским понятиям, а по законам, установленным администрацией, хозяином. Хозяин – начальник колонии. Они, конечно, хозяева, как и все люди, бывают разными, но в основном гады. В красной зоне на хозяина работают все, даже смотрящие. И авторитеты ссучиваются, и даже воры в законе. Их потом, конечно, на воровских сходняках короны вора в законе лишают. Но если ты попадешь в ссученную зону, тебе от этого не легче. Как смотрящий себя на зоне ведет, так и блатные. Он ссучился – и они садятся на клейстер.

– Куда садятся?

– Сидеть на клейстере – это по фене значит стучать на своих, доносить хозяину, администрации колонии за лишнюю пайку или поблажку какую. Ничего хуже этого не знаю. Все остальное хоть как-то понять могу, а это...

– А что остальное?

– Всякое бывает в зоне. Здесь ведь все, как в стране нашей великой, только масштаб поменьше, потому видно как на ладони. Часто крысятники попадают. Это те, которые у своих же товарищей по камере воруют. Жизнь тут не сладкая, особо не нагужуешь. Некоторые опускаются до того, что своих обворовывают. За это и замесить могут, и тубарь устроить, то есть табуреткой по черепу молотить до тех пор, пока что-нибудь одно не сломается. И почки опустить. Потом кровью ссать будешь. Так что попадешь на хату, упаси тебя бог воровать у своих. Запомнил?

– Запомнил.

– Попадешь в правильную камеру, будут проверять тебя по понятиям, значит, честно. Не садись, пока не пригласят, ничего ни у кого не бери, даже если предлагают. Знаешь, чем ты мне сегодня понравился?

– Не знаю.

– Когда ответил «благодарю», а не «спасибо». Это ты правильно сказал, и всегда так говори. «Благодарю» – это значит, что ты благодарен, чувства правильные испытываешь, а «спасибо» забудь навсегда. Увидишь на хате в камере мужика в красном – не подходи к нему и не разговаривай. Это опущенные, педерасты, петухи. Их еще по-разному называют – мастевые, тузы червонные. Масть, значит, у них такая. Петухам опущенным женские клички дают – Люська или Маргарита, Наташка, Маруся. Притрагиваться к ним нельзя, из рук ничего брать нельзя. Многих по незнанке в петухи определяют.

– Как это?

– Очень просто. Вот ты, первоход, попал в СИЗО, на хату. Настроение, конечно, хуже некуда, подбегает к тебе такой с улыбочкой, лебезит, сигарету протягивает – мол, закурить хочешь? Ты берешь. Все, теперь на тебе печать, клеймо, и никогда этого клейма не смыть. Сделают тебя пробитым, опустят, татуировочку на спине нарисуют – туз бубновый. Тогда пиши пропало.

– Что-то я не пойму, – с сомнением произнес Константин, – ты блатной или только прикидываешься? Сам ведь сказал – не верь никому.

– Учишься понемногу, – осклабился Архип. – Таких, как я, называют блатными. Две ходки у меня за плечами, нынче будет третья. А ты пацан, судя по всему, правильный. Мне-то вроде бы и волноваться незачем, а вот не хочу, чтобы жизнь твоя наперекосяк пошла. Гнида какая-нибудь попадется, и...

– Вроде этих? – Константин выразительно посмотрел на Сироту, который с увлечением резался в карты, не обращая внимания на происходящее вокруг.

– Это «шестерки», торпеды, даже не блатные, так, приблатненные. Бояться их не стоит, но опасаться всегда надо. Могут подлянку подложить. Здесь, на больничке, они смирные. Начнут дергаться – их быстро на хаты вернут. А там жизнь не сладкая. И все равно с ними лучше помирному. За языком своим следи, матом не ругайся...

В коридоре за дверью слышались чьи-то голоса и шаги. Карты у игроков исчезли в мгновение ока. Когда дверь распахнулась и в палату вошли двое прапорщиков в мундирах защитного цвета, игроки как ни в чем не бывало восседали на своих кроватях.

– Панфилов, – сказал один из прапорщиков, грозно обведя взглядом комнату, – на выход.

– Что-то вы, гражданин начальник, не по погоде одеты, – съязвил Сирота. – Не дай бог простудитесь.

– Поменьше болтай, Сиротин, – оборвал его прапорщик. – Язык еще не болит?

– А я что, я ничего. Я только за ваше здоровье беспокоюсь.

– О своем подумай. Панфилов, ты что, глухой? Пошевеливайся!

Константин тяжело поднялся и шагнул к двери.

– Руки за спину.

– Прямо вот так, – глухо спросил он, – в пижаме и шлепанцах? Мороз ведь.

– Разговорчики! – прикрикнул прапорщик. Потом, немного смягчившись, добавил: – Ничего, тут недалеко.

Константина провели по коридору в кабинет с табличкой: «Главврач».

– Лицом к стене, – скомандовал один из конвоиров, в то время как второй вошел в кабинет.

«Странно, – успел подумать Константин, – с каких это пор в кабинет к врачу под конвоем водят?»

Снова скрипнула дверь.

– Заходи.

Константин вошел в очень тесную, неуютную комнату, от всего вида которой так и несло казенщиной: крашенные зеленой масляной краской стены, рассохшийся письменный стол, совершенно лишенный бумаг, окно с неизменной наружной решеткой, два стула, железный сейф, старомодный шифоньер в углу. Единственным украшением кабинета был портрет неизвестного Константину светила медицины в пенсне и с бакенбардами.

За столом сидел моложавый милиционер в мундире капитана с вузовским ромбиком на груди. Неуловимым движением он выдернул из-под стола черный кейс с потертыми углами, извлек из него тонкую папку с белыми тесемками, лист бумаги и ручку.

Глядя на Константина, он долго и мучительно раскладывал все это перед собой, потом наконец удовлетворенно кивнул и принялся писать что-то на листе бумаги.

Константин почувствовал, что начинает закипать.

«И долго ты будешь меня мурыжить, гнида?» – подумал он с ненавистью.

Словно услышав его слова, капитан оторвал взгляд от бумаги и внимательно посмотрел на Панфилова – словно не понимал, как этот человек в пижаме и шлепанцах на босу ногу оказался в кабинете.

Эта игра в гляделки продолжалась несколько секунд, заставив Константина вспомнить о словах Архипа. Тот сказал правду – допрос еще не начался, а понту дешевого сколько...

– Моя фамилия Дубяга, звание, как вы уже, наверное, успели заметить, капитан. – Голос звучал сухо и официально. – Я назначен следователем по вашему делу. Присядьте, обвиняемый...

Глава 3

Константин вернулся в палату только через два часа. После разговора со следователем он чувствовал себя так, будто ему пришлось совершить марш-бросок с полной выкладкой. Пижама на спине взмокла, в поясице ломило, еще не до конца зажившие ребра напоминали о себе.

В палате, к его удивлению, было тихо. Блатные, перед его уходом игравшие в карты, исчезли. На угловой кровати, которую прежде занимал Сирота, теперь расположился скокарь Архип. Две соседние были пусты. На одной из них белье отсутствовало, другая была аккуратно застелена. Ближняя ко входу кровать Панфилова тоже лишилась белья.

– Костя, – услышал он голос Архипа, который лежал, укрывшись одеялом до пояса, – проходи сюда. Не удивляйся, это я перестелил. Теперь у нас новые шконки.

Тяжело переставляя ноги, Панфилов прошел к своему новому месту. Под его весом казенный матрац жалобно заскрипел.

Архип внимательно следил за тем, как Константин улегся на спину, но не произносил ни слова. Он ждал, пока Панфилов заговорит первым.

– А эти где? – усталым безразличным голосом произнес Константин.

– На хату вернули, – тут же откликнулся Архип. – Сирота с Киселем махаться начали из-за ветра.

– Какого ветра?

– Шулерский прием – передергивание картишек, стир по-нашему. Потом пришли жабы, устроили шмон – обыск значит. Здесь ведь тюрьма, и на кресте тоже шмонают. Сирота махаловкой занимался, стирки спрятать не успел. У Шкета еще одну колоду нашли. В общем, всю эту веселую компанию в стойло вернули, в изолятор.

– Курить охота, – с тоской сказал Константин, на которого рассказ Архипа не произвел, казалось, никакого впечатления.

– Курить тут нельзя. Но если очень хочется, то можно.

С ловкостью фокусника Архип извлек откуда-то из-под одеяла пачку «Примы» и коробок спичек.

– Садись поближе к окну.

Потом Архип обратился к мелкому вертлявому типу, который теперь занимал ближнюю ко входу кровать.

– Эй, Гусиносик, постой-ка на стреме, человеку покурить надо.

Пристроившись у окна, Панфилов закурил и стал жадно делать одну затяжку за другой. Архип открыл форточку, сел на кровать рядом. Он по-прежнему не лез с расспросами, терпеливо ожидая, пока у Константина не появится желание рассказать о встрече со следяком.

Но Панфилов ощутил такую потребность лишь после того, как выкурил всю сигарету.

– Капитана Дубягу знаешь? – обратился он к Архипу.

– Нет, у меня другой следяк.

– Хотел, чтобы я раскололся. Требовал имена соучастников.

– А ты что?

– Не было у меня никаких соучастников. Один все сделал, без наводки.

– Поверил?

– Пугать начал.

Неожиданно Гусиносик, стоявший у двери, стал громко кашлять, потом быстро шмыгнул в свою кровать.

Константин едва успел занять свое место, как в палату вошел уже знакомый ему прапорщик. Он шумно потянул воздух носом и недовольно сморщился.

- Кто курил?
- Никто, гражданин начальник, – спокойно сказал Архип.
- Почему дымом пахнет?
- С улицы натянуло через форточку.
- Ладно, некогда мне тут с вами. Панфилов, на выход...

* * *

Еще через полтора часа Константин вернулся.

Вид у него был совершенно измученный. Не говоря ни слова, он завалился на кровать и закрыл глаза.

- Ты где был? – раздался над ухом свистящий шепот Архипа.
- Все там же.
- Ну?
- Баранки гну. Не сказал я им ничего. Нечего мне говорить.
- Жди беды...

Архип словно накаркал.

Не прошло и несколько минут, как в палату заявились двое конвоиров, теперь уже других. У предыдущих, как видно, закончилась смена.

- Кто тут Панфилов? – рявкнул один из вертухаев.
- Я, – отозвался Константин.
- Встать! На выход!

Обитатели палаты проводили Панфилова сочувственными взглядами – сколько же можно парня к следаку таскать?

Однако на сей раз Константина вели не на допрос к капитану Дубяге. Вначале ему выдали одежду, позволили переодеться, затем повели через заснеженный двор в соседний корпус. К вечеру мороз усилился. Снег под ногами уже не скрипел, а глухо скрежетал.

Пока вертухай выясняли что-то на входе у дежурного, Константин стоял в уже известной ему стойке зека – лицом к стене, сложив руки за спиной.

Потом его повели по гулкому коридору вдоль длинного ряда железных дверей с намордниками – козырьками с наружной стороны. Пахло сыростью, табачным дымом и еще чем-то неприятным.

Возле последней двери передний вертухай скомандовал:

- Стоять, лицом к стене.

Раздался какой-то лязг, скрежет поворачиваемого в замочной скважине ключа, заскрипела открывающаяся дверь.

Константин вошел в камеру.

- Принимайте постояльца! – весело крикнул вертухай.

С грохотом захлопнулась железная дверь. На новичка с любопытством воззрились пятеро обитателей камеры. Трое из них были уже знакомы Константину по больничной палате. Он даже помнил, как их звали: Сирота, Кисель и Шкет. Они занимали нары среди узкого, длинного, как аквариум, помещения.

У двери, рядом с парашей, сидел на полу толстяк с пухлой розовой физиономией в красной майке, обнажавшей его плечи и руки. Несмотря на мороз за стенами следственного изолятора, в камере было душновато.

В нос Константину ударил тяжелый удушливый запах, еще более противный, чем в коридоре. Пахло потом от немых человеческих тел, мочой, прелыми носками, вокруг тусклой лампочки под потолком висел сизым облаком табачный дым.

В углу, на дальних нарах, лежал, подложив руку под голову, угрюмый полноватый тип лет пятидесяти с совершенно лысой головой. В другой руке, свисавшей вниз, дымилась зажженная папироса. Угловой лежал на нарах, не снимая ботинок.

Увидев новичка, он сунул в рот папиросу, зажал ее зубами, пыхнул пару раз, лениво почесал грудь через расстегнутую рубашку.

– Здравствуйте, – спокойно сказал Константин, остановившись у двери.

Он оглядывал камеру, чтобы найти свое место. Нары рядом со Шкетом были свободны. Угловой несколько раз перекинул дымящуюся «беломорину» из одного уголка рта в другой, потом нехотя процедил:

– Добро пожаловать. Что за хрен с бугра?

– Да это резинщик, – ответил вместо Константина Сирота, – я его в больничке видел.

– Заткни пасть, – брезгливо сказал угловой, – не с тобой базар.

Сирота сразу же прикусил язык. Константин тем временем прошел к свободным нарам и стал снимать куртку, стараясь быть поосторожнее с обожженной рукой. Перевязку ему не делали уже несколько дней, бинтовая повязка на запястье пропиталась подсыхающей сукровицей.

– Командировки раньше были? – обратился к Панфилову угловой. – Срок где-нибудь мотал?

– Нет, – коротко бросил Константин.

– Пухнарь, значит.

Угловой выплюнул дымящийся окурок изо рта на пол и широко осклабился. Верхние передние зубы у него начисто отсутствовали.

За окурком с невероятной прытью бросился толстяк в красной майке. Он жадно затянулся, с наслаждением выпустил дым изо рта и бросил остатки «беломорины» в очко унитаза.

– Ну, что делать с ним будем? – обратился угловой к «шестеркам».

Сирота, который сидел до этого набычившись, тут же оживился.

– Фоловка нужна, Карзубый.

– Точно, Карзубый, пухнарю прописочка требуется, – радостно потирая руки, добавил Кисель.

– Щас поприкалываемся, – хихикнул Шкет.

Толстяк в красной майке принялся пожирать фигуру Панфилова голодными глазами. Потом сладко улыбнулся и пропел:

– Умница, настоящий пряничек.

– Ты не в его вкусе, – сострил Кисель.

– Ладно, – оборвал смех Карзубый, – Сирота, займись.

Блатной встал со своего места, вышел на середину камеры, засунув руки в карманы.

– Ну что, пухнарь, – глядя на Константина сверху вниз, сказал он, – в жопу дашь или вилкой в глаз?

Константин бережно положил обломок сигареты в наружный карман рубашки и спокойно посмотрел в глаза Сироты. Вызов его ничуть не испугал: вилок здесь не было, даже ложки для еды выдавали обломанные.

– Лучше вилкой в глаз.

Сирота, который явно не ожидал такого ответа, оглянулся на Карзубого: мол, что делать, пахан?

Но угловой равнодушно пожал плечами. Это могло означать только одно – продолжай.

– Что будешь есть – мыло со стола или хлеб с параша?

Что ответить на этот вопрос, Константин не знал. Он молчал. Пауза затягивалась. Грубая физиономия Сироты растянулась в победоносной улыбке.

– Карзубый, ему с нами базарить запаadlo. Брусок-то неоструганный.

– Что молчишь, резинщик? – сказал Карзубый. – Воды в рот набрал? Так Сирота тебе быстро зубы почистит. У него елдак шершавый, Люська знает.

Константин и без этих угроз понял, что будут бить. В запасе оставалось лишь несколько секунд.

Как там говаривал армейский инструктор по рукопашному бою капитан Елизаров? Оцени обстановку, найди самое слабое место у противника и действуй. Хочешь выжить – бей первым.

Хотя Сирота был примерно такого же роста и комплекции, как сам Панфилов, особой угрозы он не представлял. Во-первых, противник Константина держал руки в карманах. Для того чтобы напасть, ему придется как минимум потерять секунду-другую времени.

Кисель и Шкет еще не поднимались, только переглядываются друг с другом. Они явно рассчитывают на то, что Сирота сам справится с новичком. Пидор не опасен, если даже он встрянет в драку, его можно замесить одним ударом. Карзубый лежит на кровати, подниматься явно не собирается. Пусть лежит – это его единственный шанс сохранить здоровье.

Сирота медлил – то ли был слишком уверен в своих силах, то ли обдумывал скудным умишком, с чего начать.

Константину тоже было не с руки торопиться. Как ни крути, а с обожженной и переломанной рукой долго не намахнешься. Если бить, то наверняка.

Шкет и Кисель наконец встали. На их губах поигрывали злые улыбочки.

– Ну что, парафинить будем? – спросил Шкет, наверняка получивший свою кличку из-за маленького роста.

Константин по-прежнему сидел. Сирота вытащил руки из карманов и стал расстегивать ширинку.

– Щас увидишь хозяина тайги, – угрожающе проговорил он.

Шкет и Кисель двинулись на Панфилова с двух сторон.

Пора.

Опасность превратила Константина в беспощадную машину. Кровь мгновенно вскипела. Тело на секунду расслабилось, за этим последовал невероятный выброс энергии.

Прыжок в полусогнутом состоянии головой вперед. Удар лобной костью в живот Сироты. Противник, явно не ожидавший нападения, как мячик, отлетел к противоположной стенке.

Раздался грохот падающего на нары тела, затем сдавленный хрип и стон.

Шкет и Кисель, которые еще не успели понять, что произошло, по инерции бросились на Панфилова. Шкет повис всем телом на его больной руке. Кисель ударил кулаком в спину, чуть ниже лопатки. Он явно старался угодить по почкам. Но этот удар, напоминавший укус слепня, только разозлил Константина.

Чуть обернувшись, он мгновенно оценил расстояние до противника и резко выбросил назад ногу. Ботинок угодил в подбрюшье Киселя, заставив его перегнуться пополам и осесть на пол, глотая ртом воздух. Он еще не успел опуститься на колени, когда Панфилов свободной рукой нанес Шкету удар в плечо.

Но этот коротышка, как ни странно, оказался самым цепким и выносливым из нападавшей троицы. Удар лишь на мгновение ошеломил его, а уже через секунду он еще крепче уцепился в перевязанную руку Панфилова.

Он надеялся на Сироту, который после удара в живот начинал приходить в себя. Мотая головой, как рязьяранный бык, он вскочил и с криком бросился на Панфилова.

– Ах ты, бля...

Пока Константин пытался сбросить с себя Шкета, который уцепился ему в руку, Сирота размашистым деревенским ударом звезданул Панфилова по скуле. На мгновение перед глазами все поплыло, камера закачалась из стороны в сторону, скула тотчас же онемела.

Стоит пропустить еще один удар – начнется толкучка, в которой у Константина не будет никаких шансов на спасение.

Мозг работал с четкостью автомата, выдавая команды телу. Пока неповоротливый Сирота разворачивался для того, чтобы нанести удар другой рукой, Константин успел использовать к выгоде для себя повисшего на нем Шкета. Мгновенным рывком он развернулся и подставил коротышку под удар.

Сирота с размаху угодил кулаком Шкету по затылку. Ноги его подкосились, хватка ослабла. Константин с силой швырнул Шкета в грудь Сироте и таким образом выиграл драгоценное мгновение. Сирота зарычал, как дикий зверь, отбрасывая в сторону неожиданно возникшее препятствие.

Пока он возился со Шкетом, Константин нанес ему хорошо рассчитанный удар ногой в пах. Это было как на тренировке перед макиварой. Удар получился четким и концентрированным. Как говорил капитан Елизаров, «точечным». В реальном бою нужно действовать только так.

Плохо, когда противник после твоего удара отлетает на несколько метров, как резиновый мяч. Это значит, что через несколько мгновений он поднимется и снова будет готов драться. Чтобы этого не случилось, кулак или носок ботинка должен попасть в одну из болевых точек на теле врага – висок, пах, солнечное сплетение, голень. Промажнувшись, ты только разозлишь соперника.

Удар в пах заставил Сироту выпучить глаза и скорчиться от боли, опустив руки вниз. После этого Панфилову не составляло труда расправиться с противником. Он нанес Сироте еще один точно рассчитанный и потому жестокий удар. На сей раз он бил кулаком в область грудной клетки чуть пониже солнечного сплетения. В карате такой удар носит название «цки».

На этом можно было бы и остановиться, но Константин вошел в раж. Где-то в подсознании всплыли слова инструктора рукопашного боя: «Работаешь с несколькими противниками».

Разворот вправо. Насмерть перепуганное, побелевшее лицо Киселя, сдавленный крик: «Нет!» Удар «нуките» в шею – сложенными, как копьё, указательным и средним пальцами руки. И в завершение – еще один прямой, ребром ладони в височную часть головы.

Кисель рухнул как бесформенный мешок на холодный пол камеры.

– Подпишу падлу!

Это Шкет, о котором Панфилов уже успел забыть, напомнил о себе. Пока Константин занимался Сиротой и Киселем, Карзубый успел сунуть Шкету обломанную заточенную рукоятку ложки.

Не решаясь напасть, Шкет стоял в углу и размахивал перед собой тускло сверкающим оружием. Константин, не позволяя себе расслабиться ни на долю секунды, метнулся к противнику.

Отвлекающий выпад рукой, уклон – клинок просвистел перед глазами. Блокировка рукой, гасящий удар предплечьем вниз – заточенный черенок ложки со звоном упал на пол. Рука Панфилова, мгновенно сжавшаяся в кулак, тут же пошла вверх, встретившись с переносцей Шкета.

Раздался характерный хруст, брызнула кровь.

Шкет вскинул руки, закрывая разбитое лицо, завыл.

– Он мне нос сломал!

Кровь лилась между пальцев, темно-вишневые капли падали на пол.

Но в рукопашном бою противник, не сбитый с ног, еще не побежден. Поэтому Константин нанес еще один, последний удар Шкету – согнутой в локте рукой по виску. Шкет как подкошенный рухнул.

Наступила секундная пауза. Константин метнул взгляд на поверженных противников, которые, скуля, расползались по углам.

У самой двери, обняв руками толкан, крупной дрожью колотился пидор Люська. На угловых нарах сидел, подтянув колени, Карзубый. Его лицо было искажено такой гримасой ненависти, что Панфилов не выдержал.

Еще не остыв от схватки, он подскочил к угловому и за шиворот сдернул его с нар.

– А ты, пес, что скривился?

Карзубый не успел издать ни единого звука. Константин от души врезал ему коленом между ног и тут же швырнул к двери. Угловой упал на Люську, который завизжал от страха и еще сильнее прижался к параше.

– Теперь все, – выдохнул Константин. – А ты заткнись, – добавил он, обращаясь к Люське.

Если бы Карзубого, который валялся возле толкана вместе с грязным пидором, увидели в таком положении блатные, не миновать бы ему парафина. Но угловому повезло. С несвойственной ему прытью он отскочил в сторону от Люськи и затих возле нар.

Константин перешагнул через ползущего под ногами Киселя, подошел к угловым нарам и сбросил с них барахло, оставшееся после Карзубого. Это могло означать только одно – в камере новый хозяин.

Прежде чем сесть, Панфилов поднял с пола коробок спичек, достал из кармана обломок сигареты и закурил. Такого наслаждения ему давно не приходилось испытывать. Табачный дым, словно живительный кислород, вливался в легкие, сердце, отчаянно бившееся о едва зажившие ребра, стало постепенно затихать.

Константин обвел взглядом камеру. Да, надо бы забрать куртку. Он направился к своим нарам, и в этот момент Люська, окончательно струхнув, кинулся к двери и в ужасе заколотил по ней кулаками.

– Помогите! Помогите!

Спустя несколько мгновений в коридоре послышались ленивые шаги дежурного по коридору. С наружной стороны лязгнуло железо, открылся намордник. Показалась недовольная физиономия вертухая:

– Чего орешь, пидорюга?

Люська сразу отпрянул, как будто увидел перед собой оскаленную волчью пасть.

– Я... это... – залепетал он.

– Чего это, бля?

Люська в страхе обернулся и, встретившись глазами с тяжелым взглядом Панфилова, пробормотал:

– Помощь нужна, гражданин начальник.

– Какая тебе помощь? – брезгливо сказал вертухай. – Жопу вазелином смазать, что ли?

Люська суетливо озирался, не зная, что ответить. Карзубый, Сирота и Кисель кое-как заползали на нары, а Шкет с переломанным носом так и валялся в углу.

– Тут... тут человек на пол упал, – наконец выдавил из себя Люська и показал пальцем на Шкета.

– Летуны, значит, объявились? – заржал дежурный. – Не хрен дрыхнуть.

– Как же так, гражданин начальник?

– Заткнись, – прошипел Карзубый. – Сами справимся.

– Слышал? – гоготнул вертухай и тут же захлопнул намордник.

После окрика Карзубого и ухода дежурного Люська затих и забился в угол, заняв свое привычное место. Однако стоило Константину бросить на пол камеры окурки, толстяк тут же вскочил, подобрал чинарик, несколько раз поплевал на него и бережно отнес к параше.

После этого в камере на несколько мгновений воцарилась полная тишина, прерываемая лишь тяжелым сопением блатных. Сирота сидел на нарах, низко опустив голову и засунув руки между ног. Карзубый, которому досталось меньше других, занял место на дальних нарах и

время от времени бросал на Константина злобные взгляды. Кисель, очухавшись, подполз к Шкету и принялся приводить его в чувство.

– Слышь, ты живой, а?

Кисель начал трясти его за плечи. Наконец Шкет открыл глаза. Его испачканное кровью лицо тут же скривилось от боли.

– Где эта сука? – просипел он, шаря рукой вокруг себя по полу.

– Ты чего? – обалдело спросил Кисель.

Шкет выдернул у него из-под ноги заточенный черенок ложки и попытался встать.

– Ты че, ты че? – перепуганно воскликнул Кисель и вырвал оружие из рук приятеля.

Он отшвырнул железку в сторону, несмотря на то что Шкет дергался и хныкал:

– Я его все равно подпишу. Он у меня еще...

– Заткнись, придурок. Ты что, не видишь, он же... ломом опоясанный.

Кисель расстегнул у себя рубашку, оторвал кусок ткани и сложил тряпку наподобие салфетки.

– Дай сюда рыло.

Шкет неохотно подчинился. Кисель приложил тряпку к его кровоточащему опухшему носу, пару раз промокнул кровь, потом сказал:

– Держи сам.

– Долго держать?

– Долго, пока не скажу.

– Может, сначала в воде помочить?

– Ты еще скажи – поссать, – обозлился Кисель. – Держи, пока не скажу, что можно снять.

– Можешь сразу холодной водой намочить, – сказал Константин. – Опухоль быстрее сойдет.

Обитатели камеры посмотрели на Панфилова с таким видом, как будто перед ними был Иисус Христос. Даже Сирота поднял голову, чтобы бросить на ломом опоясанного полный муки и ненависти взгляд.

Люська раскрыл рот, попытавшись что-то сказать. Но, глянув на Карзубого, мгновенно передумал.

Кисель оторвал еще один кусок ткани от рубашки, подошел к крану в углу возле параша, намочил тряпку водой и вернулся к Шкету.

– На, приложи, – сказал он.

Шкет поменял тряпицу. Кровь из переносицы течь почти перестала. Физиономия была покрыта подсохшими красновато-бурыми пятнами.

В коридоре за металлической дверью послышались шаги. Люська тут же засуетился.

– Я знаю, это подавала идет! – обрадованно воскликнул он.

Подавайлой на тюремном жаргоне называется доктор.

– Он поможет, я не зря стучал.

Послышался звук поворачиваемого в замке ключа, распахнулась дверь. На пороге стояли два конвоира.

– Панфилов, на выход.

А вот этого никто, в том числе и Константин, не ждал. Дело-то шло к вечеру.

– В чем дело? – спросил он, опуская ноги на пол.

– На допрос, к следователю, – рявкнул вертухай.

– Какой допрос? Поздно уже.

– Молчать! Руки за спину, на выход!

Надев куртку, Константин привычно сложил руки за спиной и вышел из камеры. Допрос так допрос, выбирать не приходится.

После того как дверь за спиной захлопнулась, камера наполнилась разговорами.

– У, сука, – прошипел Шкет, – я ему этого не прощу. На блатного руку поднял.
– Сиди ты, – мрачно протянул Кисель, – это же псих, он тебе враз шею сломает.
– Ни хрена, – горячился Шкет, – ночью глотку ему порву, падле.
– Тут по-другому надо.
– Как это – по-другому?
– А так. Смотрящему надо маляву передать.
– Кому? Толику Рваному?
– Ага.
– Ну ты сказанул, – тяжело подняв голову, вступил в разговор Сирота. – Толик Рванный психов не трогает.
– А ты почему знаешь? – недоверчиво спросил Кисель.
– Знаю, – огрызнулся Сирота. – Вон у Карзубого спроси.
– А че, Карзубый, верно Сирота сбацал?
Поверженный авторитет с угрюмым видом провел ладонью по голому черепу.
– Плюнь на лысину. Рванный сам такой.
– А что же делать? – уныло протянул Кисель. – Ждать, пока он всех нас тут не замесит?
Повисла угрюмая тягостная пауза.
– Кокану маляву надо отогнать, – сказал наконец Карзубый.
Кисель растерянно взглянул на сокамерников.
– Так ведь они с Толиком Рванным... это... вроде как на ножах.
– А твое какое дело? – возразил Карзубый. – Оба они авторитеты. Ты блатной, к кому хочешь, к тому и иди.
– Толик Рванный говорит, что Кокан – сухарь.
– Не нам решать. Кокан Бутырской тюрьмой признан. Что тебе еще надо?
– Толик Рванный говорит, что в Бутырке сейчас лаврушники, своих сухарей одного за другим лепят. Мы же вроде как славяне... своих признавать должны.
– Захлопни пасть! – обозлился Карзубый.
– Ты чего? – понуро протянул Кисель. – Это же не я. Это хата базарит.
– А ты и лопухи развесил. Мало ли что базарят. Садись за маляву.
– А чего я?
Глаза Карзубого полыхнули бешеным огнем. Еще час назад в этой камере не то что Люська, блатные не смели ему перечить. Теперь все изменилось.
Карзубый угрожающе встал, замахнулся на Киселя пятерней с растопыренными пальцами.
– Ты че, ты че? – перепуганно завопил Кисель. – Я же просто так, мне не в падлу.
Восстановив свое пошатнувшееся в глазах сокамерников реноме, Карзубый опустился на нары.
– Может, лучше сами подляну на подляну устроим? – спросил Шкет.
Из-за тряпки, прикрывавшей лицо, голос его звучал глухо, будто из могилы.
– Тебе мало? Так я добавлю.
Кисель извлек из-под нар огрызок карандаша и клочок бумаги.
– Чего писать-то?
– погоди, дай минуту подумать, – сказал Карзубый, наморщив лоб.
Потом он неожиданно выпалил:
– Падла, псом меня обозвал. Я что, мент поганый? Нет, за это надо платить... Пиши: «Мир дому твоему, Кокан...»

Глава 4

– Я смотрю, у вас конфликты начались. – На губах капитана Дубяги поигрывала легкая улыбочка.

Этот вопрос вывел Константина из состояния рассеянной задумчивости. Уже несколько минут он сидел на стуле перед следователем, ожидая, пока Дубяга закончит дописывать какую-то бумагу.

Вначале он нервничал, ему хотелось спросить: «Зачем вызывали, гражданин начальник? Чтобы мурыжить перед собой, как пацана?»

Очевидно, капитан Дубяга именно на это делал психологический расчет. Он долго и аккуратно выводил буквы, думал, теребил ручку, заглядывал в папку. Но вывести из себя обвиняемого ему так и не удалось. Панфилов погрузился в состояние апатичного ожидания.

– Я говорю: с сокамерниками не ладили?

Дубяга приложил ручку к скуле.

– А, вы об этом? – равнодушно сказал Константин. – Споткнулся.

– Что-то я не припоминаю, чтобы у нас в камерах были ступеньки, – откровенно засмеялся Дубяга.

– Странный у нас какой-то допрос получается, – отвернувшись, сказал Константин.

Дубяга предпочел не заметить, что обвиняемый разговаривает со стеной.

– А это вовсе и не допрос, – почти ласково сказал он. – Хотелось поговорить с вами по душам.

– Ну да, – мрачно усмехнулся Константин. – С кем же еще, кроме следователя, разговаривать по душам?

– Вот именно, – неожиданно согласился капитан. – Здесь я – ваш единственный друг и наставник.

– Угу... Вождь и учитель...

– Прекрасно, что вы смогли сохранить в этих тяжелых условиях чувство юмора. Кстати, как вам условия в следственном изоляторе?

– Нормально.

– А многим здесь не нравится.

– Это их дело.

Дубяга оценивающе посмотрел на Панфилова и принялся барабанить пальцами по столу.

– Я выполнил вашу просьбу. Вашей матери сообщат, что вы у нас. Впрочем, это наша обязанность... – Он заглянул в папку и добавил: – Константин Петрович.

Наверное, Дубяге таким образом хотелось подчеркнуть доверительный характер разговора. Но Константин промолчал, внешне никак не прореагировав на слова следователя.

– Значит, с соседями по камере вы уже познакомились. Мне кажется, они вам не понравились.

– Креститься надо, когда кажется.

– Зря вы так, Константин Петрович, – наставительно сказал Дубяга. – Я ведь к вам со всей душой. Да... А ведь Булатов по кличке Карзубый и его компания – вовсе не худшие люди в нашем следственном изоляторе. Вы о прессовке ничего не слышали, Константин Петрович? О шерстяных хатах и тому подобном?

– Нет.

– Вот нас, сотрудников правоохранительных органов, ваша братия часто необоснованно обвиняет в применении недозволённых методов. А ведь мы еще очень мягко с вами обходимся. Партия, знаете ли, не позволяет. Что ж, времена необоснованных репрессий ушли в прошлое.

Но я вам честно скажу, – его спокойное лицо нервно передернулось, – моя бы воля, я бы вас... в бараний рог скрутил. Миндальничаем, зачем-то на разговоры по душам вызываем.

– Что вам от меня надо? – Панфилов прервал словоизлияния Дубяги.

Искры блеснули в глазах следователя.

– Кто тебе помогал?

– Я что-то не заметил, когда мы перешли на «ты».

– Я смотрю, культура из тебя так и прет, – со злой насмешкой произнес Дубяга. – Ладно, кто вам помогал, Панфилов?

– Вы о чем?

– Где взял дубликат ключа? – Дубяга снова перешел на «ты».

– Сам сделал.

– Допустим. Кому собирался сбывать похищенное?

– Я же говорил вам, – с ударением на последнем слове сказал Константин, – еще на первом допросе. Машину взял по глупости, решил покататься. Никому сбывать не собирался.

– Значит, по глупости украл у хозяина автомобиля ключ, сделал слепок, потом ключ вернул, со слепка смастерил дубликат и в пять часов утра отправился угонять машину, чтобы покататься. Я все правильно понял?

– Как хотите, так и понимайте, – пожал плечами Константин.

– Все это туфта, выражаясь вашим языком. Горбатого лепишь, Панфилов? Ты жизнью рисковал, когда от милиции уходил. Зачем?

– Люблю рисковать. Еще с Афгана.

– На свое героическое прошлое напирал?

– Вы спросили, я ответил, – не вдаваясь в подробности, сказал Панфилов.

Дубяга расценил эти слова как личный вызов. Лицо его скривилось в гримасе, напоминающей подобие улыбки, маленькие глазки буравчиками впивались в обвиняемого.

– Герой, значит? Что это за неvezуха со мной происходит? Как только получаешь новое дело – сразу с героем встречаешься. Один геройски взял квартиру, другой геройски приставил нож к горлу беззащитного прохожего, третий машину угнал с риском для жизни. Кругом одни рискованные парни. А мы, крысы кабинетные, только спим и видим, как бы это героев-интернационалистов за решетку упрятать. Так, что ли, получается?

– Я этого не говорил, – Константин принял вызов. – Вы сами это сказали.

– Не говорил, но думаешь. По физиономии твоей вижу.

– Думать я могу что угодно. На мои мысли у вас права нет.

– Ишь как заговорил. Значит, не хочешь пойти мне навстречу? Подельников своих выдавать не собираешься? А ведь чистосердечная помощь следствию смягчает вину, как тебе хорошо известно.

– Виноват – буду отвечать. Больше мне сказать нечего.

– Что ж, ты сам хозяин своей судьбы. Но запомни, Панфилов, я оставляю дверь открытой. Пока продолжается следствие, у тебя еще есть шанс. Потом дело будет передано в суд, где от меня уже ничего не зависит. Прокурор будет требовать наказать тебя по всей строгости советских законов. Суд обычно идет навстречу пожеланиям прокурора. И хотя у нас самый гуманный суд в мире, снисхождения тебе ждать не придется. Чему ты улыбаешься?

– Так, фильм один вспомнил. Да здравствует советский суд, самый гуманный суд в мире!

– Ничего смешного. По твоей 148-й статье за похищение автомобиля в корыстных целях получишь ты свои семь лет. А что с тобой случится за эти семь лет, никто не знает.

– Это верно, – неожиданно согласился Константин. – Только бог все знает.

– Ты что, верующий? – удивился капитан Дубяга.

– Не так чтобы очень.

– Разве тебя в школе не учили, что бога нет?

– О том, что было в школе, я уже забыл...

– Ну продолжай, продолжай, это любопытно. Каким образом наш советский человек начинает верить в бога? В потустороннюю нематериальную, так сказать, субстанцию?

– Хотите знать? – Глаза Константина тускло блеснули. – После того, как выходишь живым из мясорубки. После того, как рядом с тобой разрывается граната и накрывает десять человек, а ты остаешься жив. После того, как БТР, на котором едешь, сгорает со всем экипажем, а тебя отшвыривает в сторону взрывной волной, даже не поцарапав. После того, как пуля снайпера разносит на куски голову твоего соседа и твой хэбэ заливает кровью и мозгами. Хватит, или вам еще рассказать, как человек начинает верить в бога?

– Ты меня этим не напугаешь, – поморщившись, сказал капитан Дубяга. – Я не из слабонервных. На суде будешь рассказывать, какой ты афганский герой.

– Я никому ничего не собираюсь рассказывать, – твердо сказал Константин. – Верю я в бога или не верю, это мое личное дело. Оно не касается ни вас, ни судьи.

Дубяга встал из-за стола, подошел к двери, выглянул в коридор. Подозвав к себе конвойного, он что-то тихо сказал ему на ухо, после чего обратился к обвиняемому:

– Все, Панфилов, разговор по душам закончен. На выход.

На сей раз его повели в противоположную сторону, по другому коридору, затем по металлической лестнице наверх, на второй этаж.

Константин понял, что все это неспроста. Его переводят в другую камеру. И кем окажутся соседи – одному богу ведомо. Нет, пожалуй, еще известно капитану Дубяге.

* * *

Камера, как ни странно, оказалась пустой. Это было довольно просторное помещение с нарами для шестерых человек, краном с почерневшим умывальником в углу, у двери, и толчком под ним, вмурованным в цементный раствор растрескавшимся унитазом. На цементном полу виднелись темные засохшие пятна.

К тяжелому смрадному запаху камер СИЗО Константин уже привык. Но здесь пахло как-то по-особенному тяжело – даже несмотря на отсутствие обитателей. В воздухе витало нечто, напоминавшее ароматы военно-полевого госпиталя – медикаменты, гниющие раны, хлорка.

Константин выбрал нары в углу, поближе к расположенному под самым потолком маленькому зарешеченному окошку. Оттуда хоть немного тянуло свежестью.

Он скинул с себя куртку, свернул ее валиком и подложил под голову. Деревянный настил был, конечно, не самым удобным местом для отдыха, но даже здесь Константин чувствовал себя уютнее, чем в кабинете для допросов.

Жаль только, курить нечего. Отсутствие табака причиняло временами почти физическую боль.

Вот и сейчас, провалявшись несколько минут, Константин встал и принялся расхаживать по камере от стены к стене. Хоть бы какой бычок завалящийся попался...

На всякий случай он даже обшарил доски на всех нарах. Но никто из прежних обитателей не позаботился о тех, кто придет после них.

Человека, знакомого с тюремными нравами, это по меньшей мере должно было насторожить. В нормальных хатах под неплотно пригнанными досками нар или за фанычем-бачком всегда можно найти окурков, пару спичек или даже иголку со стержнем от шариковой ручки. Здесь же ничего не было.

Разгадка была проста – Константин попал в пресс-хату. Узнал он об этом очень скоро. Не прошло и четверти часа, как двери камеры распахнулись, и через порог уверенно шагнул громила под два метра ростом, всем своим видом напоминавший портового грузчика.

На нем были расползшийся в плечах пиджак, пузырящиеся на коленях брюки, тяжелые стоптанные ботинки. На груди, под расстегнутой рубашкой, виднелась грязная майка, едва-едва прикрывавшая синие надписи – татуировки. Исколотые синими перстнями пальцы новый сокамерник Константина держал растопыренными в разные стороны.

После того как за спиной громилы с грохотом захлопнулась металлическая дверь, он с хозяйским видом прошелся по камере и остановился перед Константином.

– Шибзик, ты че на мой самолет залез?

«Еще один, – подумал Константин. – Они все, что ли, такие, или их капитан Дубяга для меня выбирает?»

– Что?

– Ты че, глухой или первоход? Музыки не понимаешь? Вали отсюда.

– Здесь места хватает, – стараясь сдерживаться, сказал Константин.

– Чего? – Громила едва не задохнулся от возмущения.

Ввязываться во вторую за день драку Константину вовсе не хотелось. Не говоря ни слова, он слез с нар, забрал куртку и пересел в противоположный угол. Новый сокамерник проводил его таким злобным взглядом, что Константину на мгновение показалось, будто его подталкивают в спину.

Громила сбросил с себя пиджак, рубашку и демонстративно поиграл мощными бицепсами. Все его тело было украшено татуировками. Они начинались в виде перстней на пальцах, продолжались на предплечьях, плавно переходили на руки выше локтей, плечи и буйно расцветали на груди и спине.

Из того, что успел увидеть Константин, ему особенно бросились в глаза несколько росписей. На предплечье левой руки была изображена ладонь, сжимающая нож с длинным лезвием. С запястья этой ладони свисали кандалы с оборванной цепью. На плече красовалась еще одна татуировка с ладонями. Две закованные в кандалы руки бережно держали розу.

На другом плече была выколота решетка с кинжалом и веткой розы. Решетка состояла из трех продольных и трех поперечных прутьев. Над правой грудью художник-татуировщик потрудились особенно тщательно. Здесь можно было увидеть и женскую голову, и шприц с ампулами, и карты, и денежную купюру, и бутылку с рюмкой. Поверх этой татуировки был изображен кинжал.

С другой стороны грудь украшало изображение Мадонны с ребенком на руках. Чуть пониже – какая-то надпись мелкими буквами. Но прочитать ее было невозможно. Татуировок на спине Константин не разглядел. Ему показалось, что там была изображена церковь с несколькими куполами.

Громила уселся на нары, достал из кармана пиджака папиросы, спички и закурил. Он делал это с таким демонстративным наслаждением, что Константин не выдержал и отвернулся к стене. Воздух в камере очень быстро наполнился густым дымом.

Константин чувствовал себя, как побитая собака. За весь день у него во рту не было ни единой крошки. Не дали даже кружки кипятку. В желудке щемило. Вдобавок ко всему разболелась обожженная рука. После удара Сироты опухла скула. Сейчас опухоль немного спала, но скула неприятно ныла.

А самым гнусным было отсутствие табака. Громила, как назло, курил одну папиросу за другой. На бетонном полу возле его нар валялись уже несколько разжеванных измятых бумажных мундштуков от «Беломора».

Устав лежать на боку, отвернувшись лицом к стенке, Константин перевернулся на спину. Сокамерник, казалось, не проявлял к нему ни малейшего интереса. Он тоже лежал на спине, зажав в углу рта «беломорину».

Спустя четверть часа в камере появились два новых обитателя. Их привели по одному, почти сразу же друг за другом.

Один был низкорослым широкоплечим крепышом с накачанной мускулатурой, второй ничем особенным в физическом смысле не выделялся – среднего роста, чуть сутуловат, неприметной внешности, давно не бритый, с волоокими мутноватыми глазами.

Судя по репликам, которыми они встречали друг друга, все трое были давно и хорошо знакомы.

– Халда, дай краба.

– На, помацай.

Маленького крепыша звали Цыганом, громилу – Халдой, к мутноглазому обращались как-то странно – Джоник. Впрочем, Константин сразу же понял, откуда такая погоняла, стоило Джонику заговорить. Судя по внешности и акценту, он был с Кавказа. Халда тут же уступил ему свое место, что выглядело не менее странно.

Некоторое время все трое не обращали никакого внимания на парня с фингалом под глазом, как будто его и не было в помине. Они перебросились несколькими, казалось, ничего не значащими фразами, после чего Джоник вытащил из кармана спичечный коробок и сказал, обращаясь к Халде:

– Дай-ка пиртаху.

Халда вытащил из пачки «Беломора» папиросу и протянул ее кавказцу. Тот аккуратно размял «беломорину» тонкими, в синих перстнях пальцами, одной рукой приставил папиросу к губам и резко дунул в бумажный мундштук. Табак вылетел из папиросы на другую ладонь, которую Джоник держал перед собой.

Потом он раскрыл спичечный коробок, поднес его к ноздрям и, прикрыв глаза, понюхал содержимое. На его лице появилось блаженное выражение.

– Ух ты, косячок забьем, – обрадованно воскликнул Цыган и потер руки.

– Откуда план? – спросил Халда.

– А дорога зачем? – вопросом на вопрос ответил Джоник.

– Грев с воли прислали?

– Ага.

– Это клево.

Джоник вытащил щепотку анаши из коробка, аккуратно перемешал ее с табаком и принялся заталкивать назад в папиросу. Наконец приготовления были закончены, Джоник сунул папиросу в рот, а Цыган поднес зажженную спичку.

Подельники Джоника, жадно раскрыв глаза, наблюдали за тем, как тот закурил, а потом приступил к сложным манипуляциям с папиросой.

Константин почувствовал, как в воздухе потянуло сладким запахом анаши.

Джоник переложил папиросу на ладонь, другую ладонь положил сверху, потом раздвинул их домиком и закрыл ладонями лицо. Несколько раз подряд он глубоко втянул в себя дым, потом откинул голову назад и выдохнул широко раскрытым ртом.

– Во кайфует, – восхищенно протянул Цыган.

– Джоник знает толк в плане, – кивнул Халда.

Цыган ерзал от нетерпения до тех пор, пока Джоник после нескольких глубоких затяжек не передал ему изрядно отощавший окурок. Цыган вначале попробовал повторить то, что делал Джоник, но у него ничего не получилось. Папироса выпала из рук и, рассыпая искры, покатилась по бетонному полу.

– Руки из жопы достань, – с неожиданной злобой крикнул на него Халда.

– Не крути понты, – так же зло ответил Цыган.

Он быстро поднял окурок, торопливо затянулся несколько раз и передал то, что осталось, Халде. Амбал брезгливо оторвал кусочек бумажного мундштука, смял его по новой и одной мощной затяжкой выкурил все без остатка.

Джоник полулежал на нарах, откинувшись спиной к стене. Глаза его окончательно помутнели и закатились. Потом он начал негромко посмеиваться и напевать себе что-то под нос. Кажется, это была «Сулико». Цыгану и Халде кайфа досталось поменьше. Но им тоже хватило.

Халда бессмысленно улыбался и покачивал головой. Цыган широко раскрыл рот, высунул язык, засунул руку себе в штаны и с минуту-другую дергался, пока не затих.

Константина и так мутило от запаха анаши, а тут еще этот себялюб. Нет, все-таки хорошо, что ему сегодня не давали еды, иначе вырвало бы.

Константин не сдержался, презрительно сплюнул и отвернулся к стене. И тут же за его спиной раздался истеричный вопль Цыгана:

– Ты чего, падла, хавальник отвернул? Нет, пацаны, вы видели? Ему не нравится, что я дрочу.

– Он сам тебя подрошить хочет, – загоготал Халда, который еще не успел отойти от наркотического кайфа.

– Ну так мы его сейчас сделаем, а, Джоник?

– Делай, – ровным бесстрастным голосом сказал кавказец и снова стал мурлыкать «Сулико».

Константин даже не успел повернуться, так все быстро и неожиданно произошло. Он не учел, что сокамерники находились под воздействием наркотиков, которые хоть и ненадолго, но удваивают силы, делают реакцию почти молниеносной.

Халда одним рывком оказался на нарах рядом с Константином и железной хваткой зажал его за шею. Цыган подлетел с другой стороны и сразу же врезал Константину по ребрам.

Напрасно Панфилов дергался, пытаясь освободиться. Крепкие руки Халды сковали его словно железные кандалы. Цыган продолжал осыпать Константина ударами по почкам.

– На, падла, получай!

Сжимающаяся в локте рука плотно сжала шею Константина. Он почувствовал, что начинает задыхаться. Еще полминуты – и все, хана.

Все-таки он продолжал сопротивляться, невероятно изогнувшись и пнув Цыгана ногой в бок. Тот, конечно, не почувствовал никакой боли, но разъярился еще сильнее.

– Ах ты, сучара, петушила позорный! Я те щас ноги вырву!

Улучив момент, Цыган резко ударил почти беспомощного противника носком ботинка в спину. Если бы Константин мог, он бы в этот момент завыл от боли. Но Халда душил его все сильнее и сильнее, и перед глазами ужеплыли вперемежку синие и розовые круги.

– Шкарята снимай! – крикнул Халда.

Цыган, совершенно не соображая, что делает, рывком спустил с себя штаны. Мокрый маленький член бессильно болтался между ног. Внезапно до него дошло, что при всем желании он не может опетушить сокамерника.

– Халда, – заголосил он, – у меня ж не стоит!

– Урод! – рявкнул Халда. – Обкурился, подождать не мог? Джоник, он нам всю малину обосрал. Вставай!

– Не, – вяло ответил тот, – я пробивкой не занимаюсь, мое дело – парафин.

– Да ты че, Джоник, видишь, Цыган изголодался, дуньку кулакову в шкары запустил.

– А мне какое дело? Вы – пробивщики, я только на клык даю. И вообще, не мешай кайф ловить.

Растерявшийся Халда немного ослабил хватку. Константин смог чуть-чуть глотнуть воздуха. Правда, кислорода в этом глотке было немного, но и его хватило, чтобы прийти в себя.

А за его спиной Цыган безуспешно пытался оживить свой мокрый, скользящий между пальцами «агрегат». Ему потребовалось не меньше минуты, чтобы понять – ничего не получится. От досады Цыган даже застонал.

– О, паскуда, не хочет вставать.

– Не хрен было малафьей шкары заливать, – выругался Халда.

– Так че делать-то, че делать, а, Джоник?

– Не трогай ты его, – брезгливо бросил Халда. – Он же тебе сказал.

– Чистюля нашелся, никак не может привыкнуть к тому, что он петух объявленный.

Джоник почему-то пропустил мимо ушей такое страшное оскорбление. Он по-прежнему мычал и раскачивался у стены, закрыв глаза.

– Цыган, кончай драть, натягивай шкары, будешь его держать.

Цыган с готовностью подчинился. Накинув штаны, он вытер мокрую ладонь об колено и плюхнулся на нары рядом с Халдой. У Константина, который к тому времени успел немного оклематься, появился шанс освободиться.

Стоило Халде отпустить руку, как Константин рывком перевернулся на спину и, собрав все силы, вложил их в удар ногой. Носок ботинка припечатался к виску Цыгана, который и в мыслях не мог допустить, что его полужадушенный противник еще способен сопротивляться.

Панфилов был так возбужден, что даже не почувствовал, как крупная заноза с неструганой доски впиалась ему под лопатку. Сейчас им владело единственное желание – рассчитаться с обидчиками.

Голова Цыгана безвольно, как у тряпичной куклы, мотнулась в сторону, в черепе что-то хрустнуло, изо рта и носа одновременно хлынула кровь. Он завалился на Халду, цепляясь за него руками.

Громила на несколько мгновений растерялся. Этого времени Константину хватило для того, чтобы выскользнуть из-под его руки, оказаться на бетонном полу и овладеть ситуацией.

Цыган уже не представлял опасности. Цепляясь скрюченными пальцами за синие плечи Халды, он сползал на пол. Густая темно-багровая жижа капала с его лица на колени Халды, заливала его брюки и ботинки. Джоник, не ожидавший такого поворота событий, остолбенело выпучил глаза и широко раскрыл рот, словно находился в ступоре.

Драться мог только Халда, но ему мешал Цыган. Отшвыривая поделника в сторону, он вскочил и тут же получил от Константина прямой удар кулаком в лоб. Раздался звук, напоминающий шлепок ладонью по воде.

Удар получился неудачным. Лоб был самым крепким местом Халды. Он лишь помотал головой, словно стряхнул наваждение, и с рыком бросился на Панфилова. Против такой массы Константин был бессилен.

Халда просто снес его, как ураган сносит тонкое деревце. Сцепившись, они пролетели несколько метров и врезались в дверь.

Грохот от удара разнесся наверняка по всем коридорам корпуса. Но едва ли приходилось сомневаться в том, что никто не придет на помощь Константину.

Халда принялся беспорядочно размахивать перед собой руками, нанося, словно колоутшками, удары по плечам врага. Константин успел заблокировать несколько ударов, но одну увесистую оплеуху все-таки пропустил.

После размашистого крюка с правой кулак противника угодил ему в ухо. В голове раздался колокольный звон.

Руки Константина были скованы, и он наугад дернул коленом. Вырубить противника таким ударом было невозможно, но Халда инстинктивно опустил руки. Теперь уже Константин действовал на автомате.

Он отработал серию из нескольких ударов в грудь соперника. Это еще больше ошеломило Халду, и он отступил назад, хотя и не потерял способности к сопротивлению. Константин бил обеими руками, не обращая внимания на боль.

В пылу схватки он даже не замечал, что костяшки пальцев на руках уже испачкались в крови. Красными пятнами покрылся и бинт на обожженной руке. Наверняка полопалась едва-едва ставшая нарастать кожа.

Халда вдруг взревел и кинулся на Константина, широко распахнув руки. Едва ли он сделал это осознанно, просто в такой ситуации ему оставалось надеяться только на свои габариты. Боец из этого громилы был никудышный.

Константин ушел от встречи одним резким уклоном. Спустя мгновение Халда оказался спиной к противнику, и Панфилов не замедлил этим воспользоваться.

Не трата время на лишние движения, перегруппировку и концентрацию силы, он нанес один из своих любимых и потому хорошо отработанных ударов кулаком правой руки наотмашь по затылку. Такой удар носит в карате название «уракен».

Все слилось воедино в этом безжалостном и сокрушительном ударе: боль, ярость, жажда мщения, оскорбленное самолюбие, ненависть.

Халда протаранил головой дверь, и его обмякшее тело сползло на пол. Константин, охваченный азартом схватки, на этом не успокоился. Он подскочил к врагу, потерявшему сознание, подхватил его под руки, подтащил к параше и сунул его головой вниз.

– Охладись, скотина.

За спиной раздался сдавленный нечленораздельный звук.

Джоник, мгновенно избавившийся от кайфа, трясся от страха, сучил ногами и жался к стенке. Константин метнулся к нему.

– А-а, – завизжал Джоник, – не трогай меня, не трогай! Я тебе все, что хочешь, сделаю. Хочешь минет, хочешь сзади.

– Гнида!

Константин стащил упирающегося наркомана с досок и врезал ему ребром ладони по шее. Джоник кубарем покатился по полу, ударился плечом о стену и затих.

Панфилов перешагнул через валявшегося на полу Цыгана и тяжело опустился на нары. Только сейчас, после схватки, он почувствовал, как дрожат у него руки и ноги, увидел разбитые в кровь костяшки кулаков и ощутил острую режущую боль в спине.

Он принялся ощупывать себя сзади и дернулся, когда его палец наткнулся на здоровенную занозу, почти щепку, торчавшую через рубашку из-под лопатки. Кряхтя и кривясь от боли, он вытащил занозу, выбросил ее, ругнулся и снова приложил ладонь к спине. Нашупав мокрое пятно, он посмотрел на ладонь. Из раны сочилась кровь. «Ладно, – подумал он, – сама оставится. Главное, что ребра целы».

Почки побаливали после нескольких чувствительных ударов, которые нанес ему Цыган. Вся правая часть головы превратилась в распухшую пробку. Кровь была толчками в ухо, но, слава богу, колокольный звон затих.

Неожиданно Цыган, лежавший в луже крови, застонал и начал дергаться. Его движения напоминали предсмертные конвульсии. Тем не менее он был жив и спустя несколько мгновений рывком перевернулся на спину.

На его густо измазанном кровью искаженном лице страшно сверкали белки выпученных глаз. Из широко раскрытого рта ползли, надуваясь и лопаясь, красные пузыри. Никаких видимых ран на лице не было, кроме разбитого при падении носа. Но едва ли человеческий череп был в состоянии выдержать такой страшный удар, который нанес Константин. Наверняка кости в височной части были сломаны. Если бы хоть один осколок угодил в мозг, Цыган уже давно бы предстал перед Всевышним.

Но, видимо, этому крепышу везло. Впрочем, едва ли это можно было назвать везением. В любом случае ему уготована участь полутрупа, навсегда прикованного к больничной койке.

Вдруг Джоник, о котором Константин и думать-то позабыл, вскочил и с истошным воплем бросился к двери:

– Помогите! Убивают, гражданин начальник! Спасите!

И откуда только силы взялись в этом хилом теле. Джоник колотил в металлическую обшивку руками и ногами, сопровождая все это безумными выкриками:

– Не могу, начальник, помоги! Забери меня отсюда!

Он издавал столько шума, что было слышно наверняка во всем Подмоскowie. Но Константин не обращал на него никакого внимания.

Пусть орет, все равно ведь рано или поздно вертухав вызывать придется. Чем раньше, тем лучше.

Константин вдруг почувствовал одно острое желание – поскорей бы все это закончилось. Пусть гражданин следователь шьет ему дело, гражданин судья вместе со своими кивалами паяют ему срок и отправляют его хоть в тюрьму, хоть на зону, хоть на лесоповал, хоть к черту на рога. Но как охота курить...

Глава 5

Наутро капитан Дубяга выглядел так, словно ему пришлось провести бессонную ночь на боевом посту. Небритое лицо потемнело, глаза потускнели, даже волосы торчали в разные стороны. Константин собирался было посочувствовать гражданину начальнику, но передумал. Какого черта?

Дубяга заполнил несколько строчек в бланке протокола допроса и положил ручку.

– Что вы можете сказать по поводу вчерашних происшествий? – сухо спросил он.

– Каких происшествий?

– Не крутите мне муньку, Панфилов. Хватит мне и того, что я обращаюсь к вам на «вы».

– Я просто хотел уточнить, какие именно происшествия вы имеете в виду.

– Все. Я имею в виду все происшествия, которые случились с вами.

Константин сидел перед следователем на стуле, накрыв больную перевязанную руку здоровой. Но Дубяга, конечно же, успел рассмотреть темные пятна, расплзшиеся по грязному бинту. Треснувшие костяшки пальцев на здоровой руке Константин вымыл еще накануне, после того как его перевели в новую камеру.

– Это, – Константин показал на свой подбитый глаз, – я споткнулся и упал. И руку тоже разбил, когда падал с верхних нар.

– Как это вы могли разбить перевязанную руку? – язвительно спросил Дубяга.

– Видите ли, гражданин следователь, у меня там был сильный ожог. И вообще, мне нужна перевязка.

– Больше вам ничего не нужно?

– Больше ничего, – спокойно ответил Константин. – Сегодня утром, слава богу, первый раз накормили. Ну и пайка здесь – хлеб да вода.

– Разносолов ожидали? – криво усмехнулся капитан. – Так вы в тюрьме, а не в летнем пионерском лагере. Скажите еще спасибо, что в карцер не угодили.

– А за что в карцер?

– За избиение сокамерников. Несколько заключенных после встречи с вами отправились на больничные койки. Мне стоило большого труда отстоять вас перед начальником этого учреждения.

«Доброго изображает, – подумал Панфилов. – Сам меня запихнул к этим уродам, а теперь ждет, что благодарить его буду».

Но Дубяга неожиданно перевел разговор на другую тему.

– Где вы служили, Панфилов?

– В составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане исполнял интернациональный долг, – чуть усмехнувшись, сказал Константин. – Разве в моем деле об этом не написано?

– Я читал то, что написано в вашем военном билете. Там указан только номер части. Между прочим, в графе поощрений у вас пусто. Плохо воевали?

– Как все, – вызывающе сказал Константин.

– Ну-ну, не ерпеньтесь, Панфилов. Я вам не враг, просто хочу помочь.

– С каких это пор?

– Не важно. Я хочу послать запрос командиру вашей части. Возможно, это поможет смягчить приговор.

– Делайте что хотите, – пожав плечами, сказал Константин, – только боюсь, что долго придется ждать ответа.

– Почему?

– Почта из Афгана приходит не скоро.

– Ничего, Панфилов, время терпит. В запасе у вас несколько лет. Пока что вы обвиняетесь в совершении преступления по статье сто сорок восьмой. Она предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет. При желании на вас можно повесить еще пару статей.

– Каких, например?

– Оказание сопротивления сотрудникам милиции, находящимся при исполнении служебных обязанностей.

– Да я же никакого сопротивления не оказывал. Это они меня били.

– Они засвидетельствуют на суде обратное и подтвердят это в письменной форме. Кому поверит наш советский суд – сотруднику милиции или преступнику, взятому на месте преступления, как говорится, с поличным? Вот то-то и оно.

– Что еще? – помрачнел Константин.

– Целый букет. Избиение сокамерников, нарушение правил внутреннего распорядка следственного изолятора. Хватит?

– Большое дело мне шьете.

– Быстро вы блатного жаргона нахватались. Впрочем, что удивляться – с кем поведешься, так сказать. Кстати, ночевали спокойно?

– Благодарю, гражданин следователь, в одиночке было нормально.

– За это не меня благодарите, а начальника СИЗО. Хотя мне пришлось долго убеждать его. Кое-кто намерен вам отомстить.

Константин мысленно прикинул, кто бы это мог быть. Но в памяти всплыл лишь отчаянный вопль Шкета: «Все равно подпишу!» Тоже мне мститель. Константин едва заметно улыбнулся, и это не ускользнуло от глаз капитана Дубяги.

– Вы напрасно улыбаетесь. Дело серьезное.

– Откуда вы знаете?

– Здесь все про всех известно. Так что рекомендую вам быть настороже.

– А что мне может угрожать в одиночке?

– В одиночке не менее опасно. Знаете, Панфилов, здесь всякое случается. Контролер может забыть запереть дверь на ночь. Его потом, конечно, за это накажут, но вам от этого не легче. Значит, так, я распоряжусь, чтобы вас перевели в камеру с нормальными соседями.

– В который раз?

– Это не вам решать, – оборвал его Дубяга. – А теперь перейдем к существу дела. Значит, вы по-прежнему утверждаете, что совершили угон в одиночку?

– Да.

– Хорошо. Так и запишем...

* * *

Дубяга исполнил свое обещание. После допроса Константина перевели в самую просторную и густонаселенную камеру из тех, в которых ему пришлось побывать. Это было помещение размерами примерно четыре на пять метров. Облупленные стены, когда-то выкрашенные в серый цвет, у входа в углу обычная параша, лампочка под потолком и маленькое зарешеченное оконце.

Большую часть камеры по обе стороны стен занимал деревянный настил. Был здесь и небольшой столик, сколоченный из грубо отесанных досок, и несколько таких же грубых табуреток.

На нарах вповалку лежали и сидели люди. Обитателей камеры было человек десять. Трое сидели за столиком, играя в шашки. Шашки были вылеплены из хлебного мякиша. В некото-

рых из них торчали обломки спичек. Очевидно, таким образом игроки отличали свои фигуры от фигур соперника.

Обитатели камеры лишь ненадолго задержали внимание на новичке, после чего игроки возобновили игру, а остальные занялись своими делами.

Кто-то курил, кто-то разглядывал свои протертые вонючие носки, кто-то разговаривал с соседом. Обычный тяжелый запах шибанул в нос, но уже через несколько минут Константин освоился и не замечал его.

При первом взгляде на соседей он не увидел ни одного знакомого лица. Около минуты он стоял у двери, выискивая место, где можно было бы примоститься. Никто не выразил особого желания подвинуться.

И вдруг Панфилов услышал знакомый голос:

– Резинщик, давай сюда.

Один из зеков, сидевший ближе к окну, махнул рукой.

– Архип?

– Точно. Присаживайся.

Скокарь, которого Константин встретил в больничке, освободил рядом с собой место для Панфилова. На нем была надета темная тюремная роба, как, кстати, и на некоторых других обитателях камеры. Архип принялся внимательно разглядывать лицо соседа.

– Я вижу, ты не скучал.

– Ерунда, – спокойно сказал Константин, присматриваясь к сокамерникам.

– Значит, верно про тебя базарят.

– Кто базарит?

– Малява тут одна ходит. Я как услышал, так сразу понял, что это ты.

Константин почувствовал себя неуютно. Значит, по всей хате пошла о нем слава.

– Да ты расслабься, пацан, – успокоил его Архип. – Здесь у нас Индия, тебя никто не тронет.

– Что здесь?

– Ты хоть и ломом опоясанный, – улыбнулся Архип, – а жизни в натуре не знаешь. Учить тебя надо и учить.

– Без сопливых обойдемся.

– Не кипишуй, я ведь по-доброму, – примирительно сказал Архип. – Со временем ты, конечно, и без меня о понятиях узнаешь, но лучше раньше. Меньше проблем будет. Тебя ведь, кажется, Константином зовут?

– Ну?

– Так вот, Костя, посиди спокойно, послушай меня. Здесь ведь все равно больше делать нечего. У тебя когда следствие заканчивается?

– А я почему знаю?

– Значит, не скоро. Обживайся потихоньку, привыкай. Ты сейчас в Индии.

Константин огляделся по сторонам.

– Не больно-то они на индусов похожи.

– Индия – это термин такой, – наставительно сказал Архип. – Хата так называется, то есть камера. Вообще-то в каждом следственном изоляторе две Индии. В одной собираются люди серьезные, порядочные, в основном те, у кого уже не первая командировка.

– Отсидка?

– Вот именно. Люди порядочные – это воры и воровские мужики.

– А кто такие воровские мужики?

– Ты сначала про воров послушай. Воры – это самые уважаемые на любой зоне, в любой крытке, то есть крытой тюрьме, люди. Это те, кто держит масть и не уступает власть. Подробнее потом расскажу. А сейчас усвой, что вор – человек исключительный. Чтобы получить такое

звание, нужно быть коронованным на воровской сходке, получить рекомендации от авторитетов. Если за человеком косяки какие-нибудь есть, то есть неправильные поступки, вором он никогда не станет. Против вора слова не вздумай дурного сказать. Тогда тобой будут гладиаторы заниматься. От них пощады не жди.

– Бойцы?

– Точно. Их по росписям можно от других зеков отличить, по татуировкам. На плечах или на спинах изображают Геракла, супермена, гладиатора с мечом. Есть и другие росписи.

Константин припомнил, что у громилы по кличке Халда была на спине татуировка, изображавшая супермена. Но он решил расспросить об этом Архипа попозже.

– Воровские мужики – это обычные зеки, не блатные, которые делятся с ворами, а за это получают защиту. Их тоже трогать нельзя. А сейчас ты попал в другую Индию. Здесь шушера всякая неавторитетная собрана. Половина – первоходы вроде тебя, пухнари.

– А ты что здесь делаешь? – спросил Константин.

– Это мне вроде наказания.

О том, за что ему выпало такое наказание, Архип не распространялся, а Константин с расспросами к нему не лез. Он уже твердо усвоил одно из главных правил поведения за решеткой – не лезь в душу, захочет – сам скажет.

– Но даже в этой Индии есть своя дорога, – продолжал Архип. – Дорога – это связь. Без связи тут быстро загнешься.

– Какая же здесь может быть связь? – удивился Константин. – Двери железные, на окнах решетки.

– Решки, – поправил его Архип. – Об этом я тебе тоже расскажу. Времени у нас много.

Разговор прервался на несколько минут. За кем-то из обитателей камеры приходили контролеры, или, как назвал их Архип, тубаны. Когда дверь камеры закрылась, Архип продолжил.

– Никак нельзя в хате без дороги. Про все, что с тобой вчера приключилось, я уже знаю.

– Откуда? – изумился Константин.

– Тюремная почта донесла. И воры наши про тебя уже все знают.

– Какие воры? Их что, здесь много?

– Сейчас двое, вернее, даже один. Толик Рваный. Погонялу ему такую дали из-за разорванной мочки уха. Настоящий вор. Коронован в знаменитой Владимирской тюрьме. Наш брат, славянин. И не сухарь какой-нибудь.

– Кто такой сухарь?

– Есть тут один. Тоже вроде бы как вор, но не все его признают. Толик Рваный его не признает, и я тоже. Погоняла его – Кокан. Сам лаврушник, то есть кавказский.

– Разве Кокан не коронован?

– В том-то и дело, что коронован. Но сходняк, на котором он получил звание вора, проходил в Бутырской тюрьме. А среди славянских воров Бутырская тюрьма не катит. Дурная слава о ней ходит – что коронуют там людей неавторитетных. Я даже слышал про Кокана, что звание вора он себе купил. Может, так оно, может, нет, но с Толиком Рваным они на ножах. До открытой войны дело не дошло, но лучше между ними не встречать. Если какие непонятки возникают, лучше к Рваному обратиться. Непорядок это, когда славяне у лаврушника защиты ищут. Ты вот вчера в одну хату с Карзубым попал, верно?

– Верно.

– После того, как ты их замесил, они на тебя маляву Кокану накатали. Карзубый когда-то был авторитетом, но, после того как с лаврушниками связался, его всерьез мало кто воспринимает. Кокана тебе надо опасаться. Что у него на уме, никто не знает. На всякий случай запомни, что зовут его Шалва Куташвили. Отчество – Теймуразович. Он любит, когда к нему по имени-отчеству обращаются. С виду вежливый такой.

– Ты что, его знаешь?

– Я много кого знаю. В разных местах довелось побывать. В Тульской, Брянской, Саратовской областях, в Воронеже. Даже в Нижний Тагил судьба однажды забросила. Ох и много же там нашего брата. Ты, Костя, честный пацан. Везде есть люди и нелюди. Не сломаешься – будет из тебя толк. Я в тебя верю.

* * *

Несколько дней Константина не вызывали на «исповедь». Наверное, капитан Дубяга решил дать обвиняемому передышку. Но, может быть, это был психологический ход.

В любом случае, эти несколько дней прошли для Константина в состоянии тягостного ожидания. Лишь разговоры с Архипом помогали скоротать время.

Константин узнал многое: что такое соликамская зона «Белый лебедь», в которой содержат воров и авторитетов, кто такие главворы и главпидоры, хозяин и кум, казачок и парашник, как парафинят и опускают, с кем можно общаться в камере и что такое проверка зрения.

Народ в камере менялся. Одних приводили, других уводили. Люди были разные, но всех их объединяло одно – авторитеты среди них не попадались.

Главным в камере, или, по-здешнему, хазаром, стал Архип. Об этом известила малява, которая пришла спустя некоторое время через дорогу.

Дорога в этой хате была такой же, как и во всем следственном изоляторе. Через окно были протянуты во все соседние камеры веревки. По ним двигались записки-малявы, маленькие посылки с индюшкой – чаем, куревом, деньгами и иным гревом.

В своей маляве Толик Рваный известил Архипа о том, что хочет встретиться и побазарить с резинщиком.

– Жди гостей, – сказал Архип Константину, прочитав маляву.

* * *

Однако до встречи с Толиком Рваным в жизни Константина произошло еще одно событие, далеко не из приятных.

Вечером, когда одни обитатели камеры играли в шашки фигурками, вылепленными из хлебного мякиша, а другие негромко разговаривали между собой, дверь неожиданно распахнулась и на пороге появились несколько человек в зеленой униформе.

Первым вошел невысокий коренастый прапорщик с грубым, словно высеченным топором лицом. Широко расставив ноги, он остановился посреди камеры и многозначительно похлопал по руке резиновой дубинкой.

– Всем встать!

В камере мгновенно воцарилась тишина. Сидельцы были вынуждены оторваться от своих занятий и выполнить команду прапорщика. Архип успел шепнуть на ухо Константину:

– Шмон.

Прапорщик, до слуха которого донесся посторонний звук, тут же заорал:

– Молчать! Разговоры прекратить! В коридор по одному!

Пришлось подчиниться и выйти, заложив руки за спину.

– Лицом к стене!

В коридоре находилось человек десять в такой же зеленой униформе, но с погонами сержантов и рядовых. После того как заключенные выстроились у стены, прапорщик скомандовал:

– Произвести обыск!

Группа разделилась. Несколько человек вошли в камеру и стали перетряхивать ее с потолка до пола. Оставшиеся в коридоре шмонали заключенных: выворачивали карманы, ощупывали одежду, заставили снять ботинки и даже носки. Тех, кто, по мнению шмональщиков,

слишком медленно выполнял команды, награждали увесистыми тычками под ребра и по ногам. Если не считать ставшей уже привычной грубости, шмон проходил спокойно.

Камера, в которой сидел Панфилов, была бедной – ни денег, ни чая, ни игральных карт найти не удалось. Под досками настила обнаружились лишь несколько спичек. Об этом и крикнул из камеры один из солдат.

Прапорщик, остававшийся все это время в коридоре, был явно недоволен результатами обыска.

– Что, радуетесь? – с искренней злобой сказал он, обращаясь к заключенным. – Напрасно.

У Архипа нашли огрызок карандаша. Прапорщик тут же стал придирается.

– Это что такое? У вас, оказывается, писатель есть?

– Карандаш не запрещено иметь, гражданин начальник, – глухо произнес Архип, при этом он чуть отвернул голову от стены.

– А ну-ка заткнись, шелупонь! – заорал «кусок». – Щас как шваркну по репе, мозги по стенке растекутся!

Архип затих, не желая получить удар дубинкой по голове. Молчали и остальные. Кому же охота связываться с дураком?

Панфилову тоже врезали пару раз по почкам, но не так чтобы слишком сильно. Прапорщик, явно испытывавший зуд в руках, то и дело покрикивал на подчиненных. Те, по его мнению, не проявляли должного рвения.

– За толканом ищите.

– Нет там ничего, товарищ прапорщик. Уже два раза смотрели.

– А в бачке?

– Смотрели, товарищ прапорщик.

– Сержант, смотри в толкане.

– Как смотреть?

– Руку туда засунь, урод. Первый день замужем, что ли? Всему вас учить надо!

Боец, закатав рукава гимнастерки до локтя, засунул ладонь в отверстие унитаза и принялся шарить там пальцами. Наконец после безуспешных поисков он вытащил руку и принялся безразлично стряхивать воду.

– Ничего нет, товарищ прапорщик.

– Плохо ищите, сукины дети. Должно что-нибудь быть. Всех на уши поставлю!

Помахивая дубинкой, прапорщик подошел к Панфилову и остановился у него за спиной. Его внимание привлекла перевязанная грязным бинтом рука заключенного. Ничуть не стесняясь, он ткнул Константина кончиком дубинки в предплечье.

– Это что?

– Бинт.

– Я вижу, что бинт! – нервно заорал прапорщик. – Что под ним?

Константину так и хотелось сказать: «Анаша», но он удержался и промолчал. Это молчание привело прапорщика в еще большую ярость.

– Что под бинтом? – завопил он.

– Ожог, – односложно ответил Панфилов.

– Костры в камере разводил, что ли?

Так и не дождавшись ответа, прапорщик саданул дубинкой в плечо Панфилова, после чего потерял к обитателю камеры всякий интерес. Тем временем шмон закончился.

– Собрать барахло и по нарам! – скомандовал прапорщик. – После отбоя ни звука!

Заключенные понуро потащились в растерзанную Индию. Когда дверь за шмональщиками захлопнулась, Архип сказал Константину:

– Хорошо отделались, такое редко бывает. Обычно они всегда что-нибудь находят – стирь, индюшку, даже шарабашки¹ забирают. А если не находят, то подкинут что-нибудь.

– Зачем? – спросил Панфилов.

– Так, для порядка, отмесить кого-нибудь, в аквариум посадить. Да мало ли.

– Что же, они нас пожалели?

– Наверное, у «куска» хорошее настроение.

– Ну да, – ухмыльнулся Константин, потирая плечо, по которому прошлась резиновая дубинка прапорщика.

– Если бы у него было плохое настроение, – рассудительно сказал Архип, – нас бы сейчас в вольер босиком на снег вывели.

Вольером здесь было принято называть маленький внутренний дворик, предназначенный для прогулок заключенных.

В камере навели порядок, собрали разбросанные по всем углам вещи, поправили нары.

Из коридора доносился шум – шмонали соседние камеры. Наконец все утихло и заключенные Индии отправились на боковую.

Кое-кто уже храпел, когда в коридоре опять слышались шаги. Константин, лежавший на спине, приподнял голову.

Неужели опять шмон?

В дверь вставили ключ, со скрипом провернули. На пороге в сопровождении конвоира стоял человек невысокого роста в подогнанной по фигуре шаронке с редкими седыми волосами на непокрытой голове.

В отличие от других обитателей СИЗО, которые ходили по тюрьме, заложив руки за спину, он держал одну ладонь в кармане.

Константин успел заметить, что в коридоре мелькнула еще одна фигура в темной зековской униформе. Но при тусклом свете ему не удалось разглядеть, кто это. Гость обернулся вполоборота и едва заметно кивнул.

Конвоир тут же наклонился к нему и, услышав несколько слов, тоже кивнул. Дверь за гостем тихо закрылась.

Несколько мгновений он стоял на пороге, разглядывая заключенных при тусклом свете лампочки под потолком. Ночью лампочка должна быть всегда включена.

В камере, конечно, никто не спал. Все настороженно смотрели на гостя, который, в свою очередь, спокойно разглядывал их лица.

Архип толкнул Константина в бок.

– Толик Рваный, – прошептал он, – к тебе пришел.

Взгляды Панфилова и вора встретились. Толик Рваный тут же шагнул навстречу Константину. Помня об авторитете гостя, Панфилов тут же спустил ноги с нар и поднялся. Это произвело впечатление на вора, который неспешной походкой прошел через камеру и остановился перед Панфиловым.

Единственным из обитателей камеры, кто почтил вставанием приход вора, кроме Константина Панфилова, был Архип. Остальные даже не знали, кто удостоил их своим вниманием. При других обстоятельствах это могло стоить им дорого. Но у Рваного была другая цель.

Жестом руки он показал Архипу, что нужно освободить дальние угловые нары для разговора. Спустя несколько мгновений пожелание было выполнено, и Рваный первым предложил Константину:

– Присядем.

Голос его звучал негромко, глаза смотрели испытующе. Константину в первое мгновение стало не по себе. Но постепенно он привык.

¹ Шарабашки – домино (тюрк.).

Давно ему не приходилось видеть таких пронизательных умных глаз. В них был и глубокий житейский опыт, и знание людей, и философское отношение к жизни, какая-то грустная мудрость. Казалось, этот человек просвечивает своего собеседника насквозь, как рентгеном.

– Знаешь, кто я?

– Знаю.

– Откуда?

– Рассказывали.

Вор тут же глянул на Архипа и чуть заметно улыбнулся. Когда он отворачивался, Константин смог разглядеть разорванную мочку уха своего гостя.

– Мы с Архипом старые знакомые, он пацан правильный. А вот кто ты такой, еще надо проверить.

– Так ведь... – начал Константин и запнулся.

– Смотри мне в глаза и отвечай. Если неправду скажешь, пеняй на себя.

Константин ничего не успел ответить, как последовал вопрос.

– На воле чем занимался?

– Шоферил после армии.

– А до этого погоны, значит, носил? – скорее сожалеющим, чем осуждающим тоном сказал Толик Рваный. – В кичиван за что окунули?

– Лайбу угнал.

– Один работал?

Константин немного замешкался с ответом. До сих пор он никому не говорил правды – ни следаку на допросе, ни Архипу во время душевных разговоров. Однако сейчас, под пронзительным взглядом этих темных глаз, Константину не оставалось ничего другого, как признаться.

– Не один.

– Зачем терпилу опешил?

– Брат на иглу сел, влез в долги.

– Родной брат?

– Родной, младший.

Толик немного помолчал.

– Чужой груз, значит, на себя повесил? Лямку тянешь вдармовую? Не опускай глаза, отвечай.

– Вроде так получается.

Константин почувствовал, что у него пересохло в горле.

– Женат? – неожиданно спросил вор.

– Нет, не успел еще.

– А подруга есть?

– До армии была.

– Не дождалась?

– Она и не обещала ждать.

– Ты с ней спал?

– Нет.

– Неужто ничего не было?

– Не было, – твердо сказал Константин.

– Так ты что, еще и бабу не имел? – с явным недоверием поинтересовался Рваный.

– Бабы-то были, но так... шалавы. Перетрахнулся – наутро имя забыл.

– Ну это не страшно, – удовлетворенно сказал вор, – бабы в нашей жизни не главное.

Затем последовал новый поворот разговора.

– А где служил?

- В Афгане?
- Кровь видел?
- Конечно.
- Сам мочил?
- Приходилось. Или ты их, или они тебя. Там закон простой.
- Тоже правильно. Карзубого за что замесил?
- Чтоб неповадно было.

Напоминание о Карзубом заставило Константина нахмуриться.

– Ладно, не ершишься, – сказал Рваный, – замесил, и правильно сделал. В шерстяной хате порядок навел – тоже одобряю. Я сам такой был когда-то. – Он многозначительно притронулся к мочке уха. – Кокана знаешь?

– Слышал.

– Сухарь он. На авторитет претендует. Но воевать не решается. Шкет с Сиротой на тебя ему пожаловались.

– Мне-то что с их жалоб? – слегка самоуверенно сказал Константин.

– Напрасно ты так. Бояться Кокана, конечно, не надо, но будь настороже. Куришь?

– Курю.

Вор вытащил из кармана шаронки пачку сигарет и сунул их в руку Константину.

– Держи, подарок от меня. Таких пацанов, как ты, мало. Сколько чалился, может, одного и видел.

Константин глянул ему на ладонь и чуть слышно присвистнул.

– Ого, «Мальборо»?

– Здесь тоже можно жить, – с достоинством сказал Рваный. – Ладно, парень, мне пора.

Он встал. Вместе с ним поднялся и Константин.

– Что у тебя с рукой? – спросил вор, глянув на грязный бинт.

– Лайба загорелась, когда от ментов срывался.

– Кенты на воле как тебя звали?

– Костылем.

– Не пойдет, – покачал головой вор. – Надо тебе настоящую погонялу иметь. – Он немного подумал. – Погоняла твоя будет Жиган. Словечко это, конечно, громкое, только воровской герой имеет право так называться. Но что заслужил, то твое. Пацан ты здравомыслящий, косяков, думаю, не напорешься. Будешь жить по понятиям – далеко пойдешь.

Он шагнул к двери, но вдруг остановился.

– В мою хату хочешь, Жиган? – спросил Рваный.

– Благодарю, не стоит, – негромко, но твердо сказал Константин.

Больше не задерживаясь, вор вышел из камеры, дверь которой была оставлена открытой.

После того как главный вор ушел, Архип уже набросился на Константина с упреками:

– Да ты в натуре ломом опоясанный. Тебе сам Толик Рваный такое доверие оказал, в свою хату пригласил, а ты его мордой об асфальт.

– Что мне там делать? – спокойно возразил Панфилов. – «Шестеркой» ни у кого быть не собираюсь, до блатного еще не дорос.

– Как это не дорос? – зашипел Архип. – Тебя главвор, настоящий законник окрестил. Он же не сухарь какой-нибудь, не апельсин из лаврушников. Настоящий бродяга, таких по всей стране не много найдется. Человек порядочный, старой закалки. А ты ему: «Благодарю, не стоит». Хорошо хоть спасибо не сказал. По одному его слову люди с жизнью прощаются.

– Да чего ты прицепился ко мне со своим Толиком Рваным? Он спросил, я ему честно ответил. Давай-ка лучше подышим.

Архип тут же успокоился.

– Ладно, Жиган, давай свои фирмовые, хоть раз в жизни попробуем.

- Ты что, «Мальборо» раньше не курил?
- А ты будто курил?
- В Афгане этого добра навалом. Знаешь, сколько курева можно выменять на канистру бензина?
- Не знаю и знать не хочу. Меня вообще политика не интересует. Мы вне политики и вне национальностей. Вот только лаврушники в последнее время достали. Мы, православные, должны вместе держаться.
- Так грузины и армяне тоже вроде православные.
- Э, не скажи, у них церковь автокефальная.
- Что это такое?
- Своя собственная церковь. Патриарха Московского и Всея Руси не признает. Они закурили и сделали несколько глубоких затяжек.
- Водочки бы сейчас, – мечтательно произнес Архип.
- Зачем?
- Ты вроде как рукоположение в сан прошел. Погонялу получил, крестили тебя. Русский человек по такому поводу обязательно должен выпить.
- Выйдем на волю, выпьем, Архип. Кури пока.
- Курю, Жиган, курю...

Глава 6

«...постановил: Панфилова Константина Петровича признать виновным и в соответствии со статьей 148 Уголовного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики приговорить к четырем годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима. Приговор может быть обжалован в суде высшей инстанции в сроки, определенные законодательством...»

В зале суда было немногочисленно. Несколько случайных людей, корреспондент милицеской газеты «На страже Октября», прокурор, государственный адвокат, охрана.

Не было ни одного близкого человека.

Жиган надеялся, что сможет увидаться с матерью хотя бы в зале суда, но она не смогла приехать, лежала в больнице – сердце подвело.

Игнат, из-за которого, собственно, и заварилась вся каша, тоже не нашел времени, чтобы попрощаться с братом. Находясь в СИЗО, Жиган получил от него единственную записку, из которой и узнал, что мать заболела.

После того как в зале суда огласили приговор, у Жигана состоялся последний разговор с адвокатом. Защитником по его делу был назначен тощий вертлявый мужичок в очках, с огромной плешью на голове, которую он безуспешно пытался укрыть, зачесывая последние оставшиеся волосы на лысину.

Вся деятельность адвоката в зале суда свелась к тому, что он зачитал характеристику, полученную от командира части, в которой когда-то служил его подзащитный. Что ж, и на этом спасибо.

Судья, кажется, приняла во внимание положительные отзывы с места службы и воздержалась от вынесения максимально строгого приговора. Между прочим, могла бы дать и семь лет.

Обо всем этом Жиган сказал адвокату. На его предложение подать апелляцию ответил отказом.

Приговор несколько не испугал его. Жиган был готов к большему сроку. Вплоть до окончания следствия и суда он упорствовал на допросах, и все попытки капитана Дубяги пришить Жигану преступление в составе группы окончились неудачей.

Зачем следователю так хотелось выискать соучастника, Жиган так и не понял. А объяснялось все просто.

После того как умер тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев, в руководстве Министерства внутренних дел начались перемены. Пришедший к власти бывший Председатель КГБ Андропов решил навести порядок в некогда конкурирующем ведомстве и прошелся «железной метлой» по верхушке МВД.

Застрелился бывший министр Щелоков, сняли и отправили на тюремные нары бывшего первого заместителя, зятя Брежнева, генерала Юрия Чурбанова.

К управлению «конторой» пришли новые люди. Министром стал Виталий Васильевич Федорчук, который до этого недолгое время, после назначения Андропова Генеральным секретарем ЦК, работал Председателем КГБ.

После того как Федорчук был назначен на должность министра внутренних дел, освободившуюся после самоубийства Щелокова, по ведомству прокатилась волна увольнений. Те, кто усидел на своих местах, были всецело озабочены ростом показателей раскрываемости преступлений, особенно тяжких и групповых.

Не остался в стороне от общих веяний и капитан Дубяга. Но, как он ни старался, обнаружить тяжкое преступление в деле обвиняемого по статье 148 Панфилова следователю не

удалось. Поэтому он вынужден был в положенные сроки закончить следствие и передать дело на рассмотрение суда.

Суд в ту пору работал как хорошо налаженная бюрократическая машина. Это уже позднее, спустя несколько лет, судебная машина начала буксовать. Обвиняемые по много месяцев после окончания следствия будут сидеть в переполненных камерах следственных изоляторов в ожидании вынесения приговора и отправки в исправительно-трудовые учреждения.

Жиган быстро прошел через судебный конвейер. Его дело прокатилось как по накатанной колее. Судья вместе с кивалами (народными заседателями) в течение нескольких дней знакомились с результатами следствия, на единственном заседании выслушали речи прокурора и адвоката.

Государственный обвинитель, разумеется, потребовал максимального наказания, ссылаясь на общественную опасность деяний подсудимого и особо дерзкий характер его поведения при задержании, а также нежелание чистосердечно сотрудничать со следствием.

Прокурор таким образом прозрачно намекнул судье на необходимость добавить в дело Панфилова наказание по статье о сопротивлении работникам милиции при исполнении ими служебных обязанностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.